К миллионам людей и к каждому от 800 тысяч москвичей — участников антивоенной манифестации 1 октября 1983 года и от каждого из них обращены слова: НАБАТ ЯДЕРНОЙ ТРЕВОГИ ЗОВЕТ К ДЕЙСТВИЯМ! ОСТАНОВИМ ЯДЕРНУЮ УГРОЗУ! ВМЕСТЕ МЫ МОЖЕМ И ДОЛЖНЫ ЭТО СДЕЛАТЬ! Это отклик москвичей на Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова.

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 12/83
Декабрь

ISSN 0131-5994

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ХОШИМИН. Молодежь хорошо знает дом номер четыре по улице Зуй Тан. До освобождения Южного Вьетнама здесь размещался нелегальный штаб патриотических молодежных организаций. Теперь в доме расположился Молодежный культурный центр, в его работе участвует несколько тысяч человек. Члены клуба дружбы с молодежью зарубежных стран изучают здесь иностранные языки, слушают лекции о международной жизни, встречаются с зарубежными гостями. Поэты читают свои новые стихи в клубе молодых писателей, в студиях идут уроки пантомимы и танца, в спортзале сражаются волейболисты, самодеятельные певцы заняли один из зрительных залов. Для всех открыты двери Молодежного культурного центра, который называют «общим домом» вьетнамской молодежи.

ХАРТУМ. Развитие системы образования в Судане значительно отстает от темпов роста населения. Более 85 процентов суданцев не умеют ни читать, ни писать, и число это неуклонно растет. Действующих в стране 6 тысяч начальных школ хватает лишь для небольшой части подрастающего поколения. В средние школы попадают избранные счастливчики.

ПРАГА. Два пятиклассника, сверяясь с длинным списком, заполняют продуктовую корзину в магазине самообслуживания. Продуктов они набрали на целый дом. Марек и Мики — члены дружины «Белые дельфины», они шефствуют над пожилыми людьми в доме № 4 по улице, которая называется В Цибулках. В дружину входят пионеры из четырех школ района Прага 5. Старшая вожатая «Белых дельфинов» — студентка высшей экономической школы Моника Кутова. Однажды она предложила ребятам узнать, сколько в их районе одиноких, больных и старых людей, которым трудно обслуживать себя. Теперь каждый дом в кварталах действия «Белых дельфинов» имеет своих шефов. Ребята два раза в неделю приходят к своим подопечным, узнают, что им надо купить, помогают в уборке, приносят лекарства.

На снимке: тимуровцы из дружины «Белые дельфины».

МАНАГУА. Правительство США и реакционный режим Гондураса проводят политику эскалации вооруженной агрессии против Никарагуа. Республика подвергается вооруженным нападениям, активизируются террористические группы, заброшенные на территорию страны ЦРУ для совершения диверсий на электростанциях, транспорте, промышленных предприятиях. На территории Гондураса проходят подготовку никарагуанские контрреволюционеры из бывшей национальной гвардии Сомосы. Народ Никарагуа готов дать решительный отпор любым агрессивным действиям американского империализма. Руководящий совет правительства национального возрождения принял закон о введении воинской повинности для мужчин в возрасте с 18 до 40 лет. Женщинам разрешена добровольная служба в армии.

На снимке: молодые бойцы Сандинистской народной армии из города Гранады.

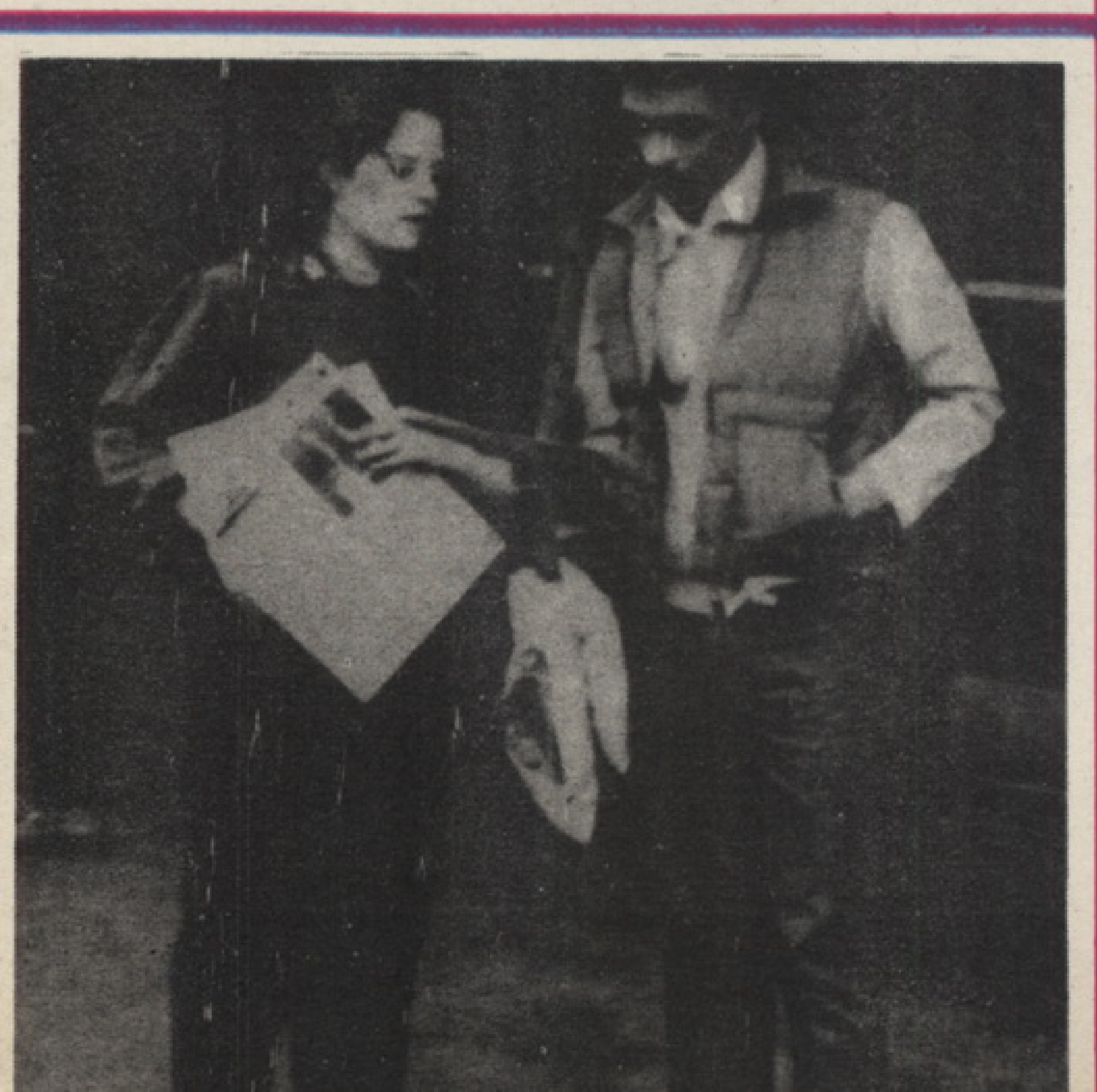
СИДНЕЙ. Под лозунгом «Учиться, чтобы бороться, бороться, чтобы учиться» прошел четвертый съезд Социалистического союза молодежи Австралии. Авторитет, численность и количество местных отделений этой молодежной организации в последние годы резко возросли. Первоочередной задачей союза съезд провозгласил борьбу за мир и права молодежи, особенно представителей коренного населения континента.

НАГАСАКИ. Мирная демонстрация японских студентов, которую вы видите на снимке, прошла в Нагасаки. 38 лет назад на этот японский город была сброшена американская атомная бомба. Число жертв атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки продолжает расти: только в 1982 году более пяти тысяч жителей Хиросимы умерло от лучевой болезни. Японские сторонники мира призывают помнить о погибших, не допустить превращения Японии в «непотопляемый ядерный авианосец», предотвратить всеобщую ядерную катастрофу.

БУДАПЕШТ. «Послать потомкам весть мира» — под таким лозунгом в столице Венгрии прошел фестиваль мира, организованный еженедельником «Кепеш уйшаг» и Национальным советом мира. Десятки тысяч молодых венгров написали индивидуальные и коллективные послания людям, которые будут жить на Земле через сто лет. Письма в будущее были положены в бронзовую коробку и помещены в бетонную колонну. «Таким образом,— сказал главный редактор «Кепеш уйшаг»,— мы выражаем нашу уверенность в том, что народы мира способны предотвратить ядерную войну. Мы верим, что свободные от войн и насилия потомки прочтут наши послания и узнают: мы тоже внесли свой вклад в сохранение жизни на Земле».

ХАЙЛЬБРОНН. Городские власти этого западногерманского города, напуганные угрозой ядерной войны, решили попытаться спасти «предметы культуры и истории». Самое, по их мнению, ценное было заснято на микропленку. Один экземпляр микрофильма спрятали «в надежном месте» в ФРГ, второй отправили на сохранение в США. Это мероприятие властей вызвало возмущение всего города. Треть его жителей, практически все взрослые, вышли на демонстрацию протеста. Тридцать тысяч человек несли транспаранты и лозунги: «Культура и история имеют смысл до тех пор, пока существует человечество!», «Долой гонку вооружений!», «Долой евроракеты, мы хотим жить!»

На снимке: участники демонстрации в Хайльбронне.

ЛОНДОН. Английский летчик Деннис Милнер, пролетая над американскими военными базами в Гринэм-Коммон и Аппер-Хейфорде, разбросал одиннадцать тысяч листовок, осуждающих размещение американских ракет в Великобритании и развернутую правительством тори антисоветскую кампанию. Д. Милнер заявил, что ему грозит наказание и лишение права на полеты. «Я сделал это,— объяснил он,— потому что люди должны осознать безумие стремительного скатывания к ядерной войне, которое подталкивается преднамеренной кампанией ненависти против Советского Союза, и все вместе отстаивать мир».

НЬЮ-ЙОРК. Газете американских коммунистов «Дейли уорлд» в этом году исполнилось четверть века. Эта единственная газета в США, которая издается на средства читателей, выражает и отстаивает интересы трудовых людей Америки. В этом году было принято решение увеличить тираж газеты до 100 тысяч и более экземпляров. Но для этого нужны средства. Тысячи американских трудящихся, студентов перечислили свои сбережения в фонд «Дейли уорлд»: были взносы в 10 долларов, были в сто, но не было тысячных перечислений, потому что нет среди читателей «Дейли уорлд» владельцев монополий и миллионеров.

На снимке: члены Коммунистического союза молодежи США распространяют «Дейли уорлд» и издание СМК «Динэмик».

УРОК ВОЙНЫ

«РУССКИЕ ИДУТ!»

Мэтью РОТШИЛЬД, американский журналист

«Русские идут! Русские идут!» — так, по крайней мере, утверждают американские военные. И чтобы подготовить молодежь к тому дню, когда «захватчики» действительно высадятся на американском берегу, Пентагон направил в средние школы США инструкторов, одетых в форму советских солдат.

Инструкторы провели «занятия» в 40 школах штата Техас. Цель этих занятий была чисто пропагандистская: возродить в школах настроения «холодной войны», посеять во впечатлительных сердцах американских подростков чувство национализма, неприязни к «советским солдатам».

Занятия по этой программе, получившей название «Конфронтация», обычно длятся 55 минут и проходят так: офицер армии США представляет школьникам «советских солдат» как официальных представителей советской военной миссии в Хьюстоне.

— Я майор Дмитрий Алексеевич Клеменский,— начинает «занятие» Дейвид Клемонс, в действительности резервист из Форт-Уорта.— Мой товарищ сержант Владимир Уланов. Мы военные из Советского Союза. [На самом деле Уланов — это капитан Том Глейзер, резервист из Техаса.]

Инструкторы стараются хорошо сыграть свою роль, они прошли длительную подготовку, знают русский язык. [Форму им сшили специально, а «знаки различия: пряжки, значки, погоны у нас настоящие, советские»,— говорит Глейзер.]

Отвечая на вопросы, Клемонс и Глейзер стараются создать у школьников впечатление, что советские военные агрессивны, враждебно настроены к США.

— Наши ответы озадачивают, ошарашивают, приводят ребят в ярость,— рассказывает Глейзер.

— Они просто впадают в шок,— добавляет Клемонс.

Анна Скарр, преподаватель Ламарской средней школы, привела на встречу с «советскими солдатами» весь свой класс. Она считает, что встреча «дала желаемый эффект. Школьники разозлились, стали защищать США».

«Я никогда не видела у старших и младших школьников такой национальной гордости, как после вашего выступления,— написала в письме Клемонсу и Глейзеру учительница средней школы в Картоне Лина Дуфрейт.— Я учитель и патриот, и меня радует готовность учащихся защищать США и американский образ жизни». Мэри Хелен Джонс, преподаватель средней школы в Ричардсоне, тоже считает, что программа «Конфронтация» «стимулирует развитие патриотизма».

— Мы подкидываем учащимся идею, что их долг защищать США от «этих русских»,— говорит Глейзер.

Программа «Конфронтация» подготавливает школьников к «советской угрозе», вызывает чувство ее реальности и неотвратимости. Такая деятельность американской армии — дело новое и спорное. Школьники верят, что перед ними настоящие советские солдаты, обычно им только на следующий день говорят, что они встречались не с советскими солдатами, а с инструкторами Пентагона, одетыми в советскую форму. Некоторые родители высказали свою тревогу и обеспокоенность такими методами «воспитания патриотизма».

— Обман не лучший образец поведения для подростков,— сказала миссис Тэйбел, чья дочь Кэрри учится в Ламарской средней школе недалеко от Далласа.— Нельзя разгуливать по школам и обманывать подростков. Кэрри была так встревожена встречей с этими «русскими». Она типичный подросток, и она сказала: «Это был какой-то бред».

Миссис Тэйбел послала письменную жалобу председателю школьного совета, но ей прислали выдержку из документа, в котором определяется школьная политика, из которой явствовало, что посещение школы военными инструкторами этой политике не противоречит.

А Клемонс и Глейзер настаивают, что обман просто необходим:

— Как еще заставить их слушать! Если бы мы пришли и сказали: «Мы американские солдаты, переодетые в советскую форму, и мы не верим ни одному слову, которое сейчас вам скажем», детки бы сидели и хихикали.

— Решение вопроса о том, предупреждать школьников или нет, что с ними проводятся занятия по программе «Конфронтация», мы оставляем за директором школы,— говорит Клемонс.— Это его школа. Мы поступаем так, как он хочет.

— Некоторым раскрывают обман с переодеванием заранее, некоторым после встречи, но я уверен, что есть случаи, когда не говорят совсем,— добавляет капитан Стенли Кимбрелл, участвующий в программе «Конфронтация».

Но как бы то ни было, эта программа дает военным широкие полномочия в преподавании школьникам как собственной своеобразной версии мировой истории, так и узкого понимания гражданского долга.

— Школьникам наши «занятия» понравились,— говорит Клемонс.— Нас уже ждут в тридцати школах.

Сокращенный перевод с английского В. СИМОНОВА

На снимке: в техасской школе урок, посвященный проблемам войны и мира, вели инструкторы армии США, облаченные для такого случая в советскую военную форму. Урок антикоммунизма под ясным названием «Конфронтация».

Фото из журнала «Прогрессив»

Один из организаторов «телемоста» Лос-Анджелес — Москва, Ларри Уотс, говорил: «Удивительно, но до сих пор большинство моих соотечественников не представляет себе, как выглядят даже чисто внешне люди в Советском Союзе. Не говоря уж об отношениях между нашими странами. И знаете, что нас поразило! Внешнее сходство с нами».

Другой американец, активист движения за мир, приехав прошедшим летом в Прагу на Всемирную ассамблею за мир и разоружение, несколько смущаясь, рассказал о том, что его заботливая мать, потеряв всякую надежду отговорить сына от поездки, купила ему в дорогу пуленепробиваемый жилет. «Там стреляют в тех, кто за мир»,— объяснила она ему.

Заметьте, все это говорят люди, надеющиеся найти с нами общий язык в жизни без войны, люди не просто миролюбивые, а миродеятельные, и в их собственных глазах едва ли не бесстрашные сторонники сотрудничества наших народов.

Как же надо было буржуазной пропаганде заморочить им голову, чтобы они удивлялись очевидному, чтобы верили в ахинею и нелепицу! Какой урок ненависти и враждебности, подобный тому, что стараниями Пентагона устраивается в американских школах, пришлось им пройти, чтобы позже, значительно позже обнаружить: да неверно все это, и за пределами Америки планета Земля обитаема и разумна, и нет у американцев никаких оснований считать социалистический мир «средоточием зла», где им предстоит, пусть даже ценой ядерного побоища, «навести порядок».

Реальная жизнь этого мира щедро предлагает людям другую альтернативу, другие уроки, о некоторых из которых рассказывается на следующих страницах «Ровесника». Это уроки совместной борьбы против общей опасности войны, за экономическое и культурное сотрудничество, за человечность — уроки Мира.

Напомним, что говорится по этому поводу в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова:

«Благополучие нашего народа, безопасность Советского государства мы не отделяем, а тем более не противопоставляем благополучию и безопасности других народов, других стран».

И УРОКИ МИРА

На снимке: на первом уроке этого учебного года в 43-й московской школе преподавателем была Валентина Терешкова. Мать, герой-космонавт, председатель Комитета советских женщин — таков портрет учителя, ведущего урок Мира.
Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ

Меня зовут Гайдай Галина Григорьевна, я учительница русского языка и литературы, классный руководитель в 6-м классе 504-й московской средней школы.

1 сентября этого года у нас был, так же как и во всех других школах, урок Мира. Но мне бы хотелось рассказать не только о самом уроке Мира, но и вообще о том, какой смысл имеет 1 сентября в жизни школы.

Этот день всегда праздник. Для всех. И для учеников, и для учителей. С него для учеников словно начинается новая жизнь, все прошлые «грехи» забыты. Каждый ученик надеется стать лучше в этот первый день, за которым, как это бывает всегда, когда человек верит в жизнь, последуют другие дни, и в каждом — обещание чего-то лучшего в тебе самом, чего-то нового. Ведь жизнь — это движение к совершенству.

Для меня и, вероятно, для любого учителя 1 сентября— это праздник начала. Но знаете, как бывало раньше, во все годы до этого! После торжественной линейки, после улыбок, взаимных поздравлений, расспросов, приветствий, после того, как десятки букетов дарились учителям и ставились в банках на подоконниках, складывались в раковинах в углах классов, так что классы в этот день приобретали такой яркий вид... словно цветочный магазин или словно это день рождения... после всего этого, как прозвенит звонок, учитель должен был сказать: «Ну а теперь займемся делом, перейдем к математике (физике, русскому)...» Эти слова я, например, всегда говорю, чувствуя некоторую неловкость от того, что так быстро и резко приходится переходить из праздника в будни. Да, такое ощущение маленькой своей вины перед детьми тут есть, потому что они, как всегда в праздник, ждут чего-то важного в день начала. На первом уроке надо бы сказать им что-то действительно важное, главное. А будни — потом, чуть позже.

Я знаю, хорошие учителя обычно первый урок 1 сентября отдают разговору о нравственности, о доброте. Они на эти 45 минут пренебрегают программой (потом догоним!) ради программы более общей — отношения к миру.

Ну а в этом году всем учителям была предоставлена возможность посвятить первый урок тому, что делает осмысленной и учебу, и труд, и саму жизнь, — МИРУ.

Я уже говорила, что 1 сентября и ученики и учителя надеются. В надежде стать лучше в новом году суть этого праздника. Но разве мыслимо представить, что наши надежды сбудутся, если не будет мира! Я решила, что правильно будет, если я буду говорить о том, что значат война и мир в нравственном смысле. О нравственных, моральных последствиях войны.

Я старалась показать, что вопрос этот, в общем, не нов, что о нем уже думали великие умы. Я привела ребятам цитату из «Философского словаря» Вольтера, где как раз речь идет о том, что значит война в смысле нравственном.

«Что такое человечность, доброта, скромность, терпимость, нежность, мудрость, благочестие, что они могут значить для меня... если последнее, чего удостаивается мой взор, это вид моего родного города, испепеленного огнем и мечом, если последние обрывки звуков, которые достигают моего слуха, это плач гибнущих в развалинах детей и женщин!»

О чем тут сказано! Что война убивает человека, так сказать, «материального» — это понятно. Но война убивает в человеке душу и веру. Как верить в лучшее в человеке, когда на твоих глазах убивают твоих близких! Об этом писал Вольтер.

Но война не обязательно может разразиться! Так сказал мне Сережа Коробцев. Правильно, и надо надеяться, что войны не будет, не должно быть, что разумное возьмет верх. Но ведь дело в том, что в сегодняшнем мире война вмешивается в мирную жизнь, даже не разразившись. Я имею в виду гонку вооружений. Я на уроке привела всего одну цифру, одна рельефнее многих: один миллион долларов в минуту расходуется в мире на вооружение. Я спросила, как бы они израсходовали эти огромные суммы, если бы вдруг все деньги, идущие в мире на вооружение, были каким-нибудь прекрасным решением ООН переданы им.

— Накормить всех голодных!

— Победить неграмотность во всем мире!

— Пол-литра молока для каждого ребенка до шести лет!

— Проложить шоссейные дороги во все отдаленные концы мира!

— Еще, еще, — сказала я,— вы тут и на половину всех годовых средств, что идут на оружие, еще не построили, не напридумывали...

— Телевизоры в каждом классе!

— Обводнение пустынь в Африке, Сахару превратить в сад!

— Построить в каждой стране по такому лагерю, как «Артек», чтобы там могли встречаться дети всего мира!

— И не отдельные дети, а все! Чтобы каждый человек в детстве съездил бы в такой лагерь и познакомился с ровесниками из других стран.

— Футбольную форму для нас!

...Урок — это тот же спектакль, только во многом импровизированный. Сценарий знает только один человек, учитель. Он знает цель, к которой ведет, а по дороге, в долгие 45 минут, может быть всякое...

Я, например, знаю заранее, что Игорь Новиков будет задавать вопросы, в которых все подвергнет сомнению.

Когда в середине урока он задал свой вопрос, мне было даже приятно, потому что я ждала, что, сам того не зная, Игорь даст мне возможность сказать о самом главном.

«Галина Григорьевна, это все хорошо, что мы тут придумываем, как тратить деньги, но ведь нам никто их не даст тратить. Ну и зачем тогда все это обсуждать?»

«Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира» — это сказано, Игорь, в уставе ЮНЕСКО, — отвечаю я ему.— Ты, конечно, возразишь: мысли и ракеты, разве их сравнишь. Но примерьте эти мысли о мире на себя, почувствуйте их важными — и вы ощутите себя сильнее, увереннее...

Вы знаете, пожалуй, я не стану называть настоящие фамилии моих ребят. Ведь рассказывала я вам о том, что происходит на уроке, без посторонних глаз. Ну, это как рассказывать о том, что происходит в семье.

Они выходят из класса после урока, я смотрю в их лица. Если вы уже несколько лет работаете в школе, если вы умеете внимательно смотреть в детские лица, вы всегда поймете по ним, сдвинул ли в их душах что-то ваш урок или нет. Трудно объяснить, но кто чувствовал это — поймет. Когда вы задели их, проникли сквозь панцирь их подростковой иронии в душу, тогда вы и увидите эти лица, в которых столько ожидания и праздника.

ТАНДЕМ

Нина ЧУГУНОВА,
лауреат премии
Ленинского комсомола,
Евгений СТЕЦКО (фото),
наши спецкоры

Вот они появились. Казалось, мы видим отчетливо их мокрые лица и то, как они крутят педалями на грани усталости, застряв на кромке горизонта. Мы встречали пробег там, откуда начиналась Новгородская область. Это была русская земля, но Джон Доулин, человек, помешанный на мысли о всемогуществе велосипеда, сказал потом, что похоже на штат Мичиган. Он прав, наверное, в том, что касается природы, но деревень, как наши, нигде не сыщешь: чтобы наличники, скамья и поле, мальчик белоголовый на передней раме отцова велосипеда...

Мы ждали на шоссе в накалявшейся атмосфере полдня. Две девушки, наряженные красавицами, держали каравай. Люди при столах с минеральной, привезенной из города, махали полотенцами. Они появились.

Казалось, мы видим отчетливо их мокрые лица, но было еще далеко. И то ли дорога выгибалась там, то ли что, но, появившись, они застыли на горизонте, стали топтаться, крутя педали на грани усталости, прилипнув к горизонту, как бабочки к стеклу.

— Они! — выдохнул кто-то, и в ту же секунду они были рядом.

Один человек сказал нам еще в Москве: «Вы выбрали не самый впечатляющий отрезок пути». Мы не поверили ему в том, что надо специально искать, в какой точке нашей огромной и прекрасной страны будет особенно впечатляющей встреча тех, кто едет по стране с обращением, призывающим к миру. Эта встреча везде будет одинакова. Какая разница, в каком уголке страны услышать от людей, что значит для них мир! Этот рассказ везде будет одинаков. В сибирском городе, известном всем как ударная стройка, мы стояли однажды перед простым обелиском павшим: война сюда не докатилась, а похоронки дошли. Город Новгород в сорок четвертом представил освободившим его частям страшные обвинения войне и оккупантам — кошмар смертельных разрушений и незасыпанных могил по всей земле новгородской, а рядом была земля Ленинграда, и Пскова, и Калининская... Какая программа встречи нужна, чтобы нас поняли?

Мир пришел к миру. Музыка понятная, хотя и не слышанная прежде, ворвалась в наши распахнутые окна. Тут, рядом от дороги, начинался земляничный лес, насквозь просвеченный, в росе. Эллисон Сини вручила текст петиции на подпись мэру Валдая, а люди валдайские толпились, заглядывая через плечо молодому председателю райисполкома, когда он от их имени в нужном месте поставил свою подпись.

И самый яркий момент трудно выбрать. Вот мальчик на раме отцова велосипеда. Они поднялись сегодня рано, боялись опоздать на встречу, отцу пришлось поднажать. А день был субботний, мать отпустила.

— Я думаю, — сказал взрослый,— что им не мешает увидеть нас.

Сын сидел смирно, кататься привык. Они были очень похожи, из семьи работящих людей. Мы сначала часто спрашивали: «Кто воевал?» Но люди отвечали похоже: «Погиб отец, дед»,— постарше говорили: «Братья».

— Погиб,— сказал Алексей Бойков,— мой отчим, отец, значит. Погиб на Курской дуге. Он был чрезвычайно молодой. Мы из Выползова, это рядом.

— Поедете с ними?

— Проедем сколько-нибудь,— сказал он, взглянув на сына, Алексея Бойкова, четырех с половиной лет. На обратном пути они, конечно, набрали земляники.

— Русские великолепны! — сказала нам Шери Закариас, американка с греческим лицом.— Они говорят так, что видно — у них открытые сердца.

Одним Шери говорила, что

Наша цель — не просто предотвращение войн. Мы стремимся к коренному оздоровлению международных отношений, упрочению и развитию всех добрых начал в этих отношениях.

Ю. В. АНДРОПОВ

Из речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС

Велопробег Москва — Вашингтон стартовал 6 июля и закончился в день памяти жертв Хиросимы. За месяц участники — представители США, СССР, Норвегии, Швеции, Финляндии — прошли 2340 километров. Это был своеобразный Марш мира, эпизод в антивоенной борьбе, захватившей мир. Практическая цель пробега — сбор подписей под мирным обращением. Его подписали более 70 различных представителей органов власти и общественных деятелей всех городов, через которые пролегал маршрут. Обращение было вручено представителю ООН. Наш рассказ не отчет об этом событии. Наш рассказ о том, что должно быть результатом встречи честных людей; о том, без чего борьба за мир невозможна, без чего становится невозможным существование людей. В течение нескольких дней, когда был сделан фоторепортаж, мы имели возможность быть рядом с героями рассказа — в заголовок вынесено название типа их велосипеда. Тандем Владимир Семенец — Кристофер Сини прошел весь путь. Русский и американец крутили педали одного велосипеда по маршруту, соединявшему столицы двух держав, от взаимоотношений которых во многом зависит сегодня обстановка в мире. Тандем, как известно, такой велосипед, который движением обязан слаженности усилий тех, кто его ведет. Мы проследили вместе с героями коротенький участок, и нам стало ясно, что дружба Владимира и Кристофера совершенно н е и з б е ж н а. Люди, имеющие одну высокую цель и честно стремящиеся к ней, обязательно найдут, поймут друг друга. Поэтому заголовку мы придаем символический смысл: движение вперед по пути мира возможно лишь при слаженных усилиях всех.

учится в католическом колледже, другим, что работает в баре. И то и другое было правдой. Когда Шери узнала о велопробеге, она купила велосипед за 450 долларов и села на него впервые в жизни. Свои долги она теперь называла лучшим помещением капитала. Под Калининградом она шлепнулась, налетев на Владимира Балыбердина. Что она знала о нас, отправляясь к нам?

— Каких русских писателей вы любите?

— ...Карл Маркс?

Через три дня после старта, сидя на камне, с цветком в волосах, она говорит: первое, что она сделает в день возвращения домой,— напишет президенту. Она напишет много писем, но сначала президенту. «Господин президент! Вы ошибаетесь. Вы не знаете русских. Русские великолепны. Они хотят мира. Шери [illegible]кариас, студентка. Фил[illegible]ьфия».

— Колени дьявольски болят!

— Я истинный американец,— сказал Джон Доулин (человек, помешанный на велосипедах, честно говоря),— а американцы практичные люди. Эта их черта, я уверен, приведет к тому, что американцы придумают средство против войны. Я работаю в информационном агентстве, а вечерами крашу крыши. Как-то я подумал: это средство — велосипед! Представьте, что все пересели на велосипеды!

— Интересно,— сказали мы, представив.

— Да здравствует всемирная велосипедная революция! — кричал Джон Доулин, тридцатилетний, как Бойков, и тоже имеющий сына четырех лет, Тимоти, в Мичигане.

— Что вас заставило приехать?

— То, что есть Тимоти,— сказал он, раздвигая в улыбке бороду веником.

— Кто-то все время помогает мне, толкая в спину,— сказала Шери,— а я не могу поблагодарить, боюсь оглянуться — упасть. Какой-то Владимир.

Тандем мелькнул перед нами в Валдае на площади Свободы, там рядом улица Труда и есть, конечно, улица Мира, на финише мелькнул, перед митингом, и тот, кто ехал сзади, ехал выпрямившись и был в мотоциклетном шлеме, что сразу выдавало в нем непрофессионала.

...а тот, кто ехал впереди, своей спиной, отшлифованной, покатой, как мокрая спина дельфина, когда он выныривает, и тем, как он голову пригнул, обнаруживал в себе профессионала в том смысле, что он был человеком, неотрывным от велосипеда, и этой привычке он уже никогда не может изменить: он финишировал в спортивном смысле слова, победно на виду трибун, и расслаблялся только за чертой, там выдыхал воздух и машинально собирался отстегнуть ноги от педалей. Он сроднился с велосипедом, и даже с этим, марки «Пежо», чужим ему, неспортивным, он ехал как будто в обнимку, понимая его недостатки и прощая ему, как человеку. А тот, кто сидел за ним, сидел, будто схватившись за него.

В момент, когда они мелькнули, мы знали, что первый — чемпион Олимпийских игр в гонках на тандеме: Мюнхен, семьдесят второй год.

Больше того. В тот момент мы о них обоих знали все. В последнюю минуту перед стартом от границы области мы задали Кристоферу Сини простой, банальный, как казалось, вопрос: «Вы едете с русским. Как он вам?»

(О Кристофере Сини одна газета написала, что он худощавый, крепкий, подтянутый молодой адвокат из США. Нам-то кажется, что эти определения навеяны стандартными представлениями, хотя и сами мы не навидались адвокатов за свой век. Владимир — это да, он очевидный чемпион, а что сказать о Кристофере? Перед нами стоял парень в веснушках, в большом шлеме. Мечтатель стоял перед нами в шлеме, вот что.)

— Владимир? — сказал

он, делая два ударения, на первом и последнем слоге, минуя нужный.— Он мой брат.

КРИСТОФЕР. *«Все началось с моей беспомощности: растерянность и страх, что сейчас все рухнет. Я стоял с большим и неудобным велосипедом, рассчитанным на двоих, один. В Москве лил дождь, другие уже стали отъезжать, счастливые и запачканные дождем. Я был издерган с утра, потому что успел сходить в наше посольство по поводу виз для советских участников, которые не давали, я звонил отцу, не представляя, что он может сделать, но он совершил потом поразительный поступок: позвонил в госдепартамент! — я еще не знал, что дело решится, и почти не верил... а велосипеды удалялись от меня!*

— Кристофер! Кристофер! — закричал кто-то, выбегая из толпы.— Разве ты не хочешь, чтобы я ехал с тобой на тандеме?

Я бросился к Владимиру, который до этой минуты был лишь одним из советских участников. Он прыгнул на заднее сиденье, я нажал на педали, вильнув рулем».

ВЛАДИМИР. *«День был противный, небо серое и дождь, но можете представить себе, что для меня — сесть снова на тандем. Вдруг мне говорят, что, кроме тандема Торе Нирланда (инициатора велопробега из Норвегии), будет еще один, и спрашивают меня: ты хочешь? А в день выезда я стою как счастливый идиот, потому что мой одиночный уже погрузили в автобус и уехали, а кругом все знакомые, и они думают обо мне, конечно: «Ну, наш просто крейзи. Чего он ждет?» Как вдруг из ворот выбегает Кристофер, тащит на себе тандем, а что я закричал на радостях, не помню, хотя... Кристофер, разве я мог закричать: «Кристофер!» Ведь я же тебя не знал еще!*

— Нет, я точно помню: Кристофер!»

Они догнали всех. На фотографии, сделанной на остановке, Кристофер уже сидит сзади. Они поменялись местами, когда упала Шери.

КРИСТОФЕР. *«Я боюсь что-либо делать с велосипедом — еще больше себя озадачить: я не знаю, в какую сторону переключаются скорости! В это самое время меня обуревают эмоции, как будто не связанные с Владимиром: сбывалась моя мечта. О, я не был далек от того, чтобы расплакаться. Мы летели сначала по московским улицам, я твердил: это свершилось. Потом Владимир сказал, что сиденье было слишком низко,— какой пустяк, да был ли я когда-нибудь счастлив так свободно, так бешено, так просто и буду ли? Нет, нет. В жизни у человека бывает же единственное, после чего жизнь лишь продолжается. Вершина. Я «отведу» этот пробег, я увижу его в Вашингтоне и возвращусь в свою контору: я буду спокоен. Жизнь невелика: возможно, в ней уместится только одно важное дело. Сейчас оно было у меня в руках. Вы не знаете, ведь пробег я задумал давно... Вывеска полетела нам навстречу, я прочел ее, он, сзади еще, поправил мое произношение, и я подумал: вдруг этот человек счастлив почти так же, как я? Впереди упала Шери».*

ВЛАДИМИР. *«Нормально, главное — сидеть четко и не болтаться, это главное для сидящего сзади, и я там притих, притих и счастлив, конечно, хотя не мое это место, непривычное для меня. Мое — первое... Перед Олимпиадой тогда мне приснился простой сон, ведь всем снится, то летает он, то бежит, а мы с Игорем и вся сборная почему-то ползли наверх. В гору. Пошел уже вершинный снег, ужасно белый такой, отчего я потом понял, что сон был цветной, слишком уж белый, яркий цвет. И страшными усилиями мы с Игорем залезли. Когда во сне я ступил на этот блистающий снег и ясно увидел мир подо мной, то почувствовал себя его частицей. Мы потом победили и стояли на пьедестале, Игорь увидел, что я забрался со шлемом, он взял у меня шлем и забросил его. И тогда заиграли наш гимн, медленно и могуче».*

Упала Шери. Это случилось через два или три километра пути. Сначала упал Балыбердин, «наш скалолаз», на него налетел человек из группы сопровождения, и на них всех обрушилась Шери на своем «Мотобакане» и пострадала больше всех. Кристофер побежал к ней, американке, а Владимир остался, так как увидел, что не поможет, а только помешает, учитывая самолюбие девочки. Тут он обошел кругом их туристический «пежо» и увидел, что машина нехорошо готова к пробегу. Тогда он решил поменяться местами: вести эту машину должен был он. Он сел за руль... фантастика: он сидел на своем месте! Теперь он мог бы вспомнить круг за кругом их с Игорем победу, ну, там воздух, лица зрителей. После тандем был исключен из программы Игр, так они остались непобедимыми, жена телеграмму прислала: непобедимым.

Злая и веселая Шери сидела в автобусе, Кристофер пока остался с ней. И он повел один, наблюдая за своим волнением спокойно, как чужой или как врач. Через ночь ему все-таки приснился трек и все, что там может происходить, то есть то, что может происходить только на треке и нигде больше в жизни. Он проснулся с прыгающим, радостным сердцем, сильный и беспомощный, в гостинице русского города Валдая с пальмами, и коврами, и ромашками в вазе у дежурной. Они покатили с раннего утра и остановку сделали на шоссе в лесу. (Что касается их отношений с Кристофером, то он считал, что они складываются нормально, а настоящее взаимопонимание необходимо в спорте — там нужна победа. Взаимопонимание — он знал это прекрасно — вещь такая сильная, такая сила внезапная! Редкая в жизни вещь, конечно, но и победы ведь редки.)

Кристофер начал читать все вывески подряд, а он его

поправлял, вот и нашлось занятие.

(Своя высота, формально им не покоренная, была и у второго, и была своя победа. Он победил себя, он один знал, каково это.)

КРИСТОФЕР. *«Я задумал свой пробег в восемьдесят первом году, еще учась в университете, — американцы и русские проедут от Вашингтона до Москвы и обратно. Тогда я прошел курс советского права, сначала занимался лениво, потом предмет захватил меня полностью, и в составе делегации американских юристов я сумел побывать в СССР. В те дни я явился в КМО СССР в Москве с предложением о велопробеге. Мне сказали, что обсудят мое предложение, и этим я был обнадежен настолько, что, явившись домой, тотчас начал писать всюду письма ради поддержки моей великолепной идеи. Разумеется, начать следовало с основания корпорации, я и основал такую корпорацию, зарегистрировав ее как не приносящую прибыли согласно нашим законам: только после этого я имел право нанять водителя, секретаря (женщину, которая, однако, не поехала с нами) и приступить к созданию паблисити. Самый верный сотрудник была моя сестрица Эллисон, а самыми верными сторонниками были мои родители — мама переписала гору писем. Я фантазировал непрерывно, я не спал, бывало, ночами! Также меня терзали, конечно, деньги.*

(Владимир: «Разве у вас нет никакой организации, помогающей финансировать антивоенные мероприятия?» Кристофер: «У нас нет комитета защиты мира, и я должен был им стать сам». Владимир: «Сколько потребовалось денег?» Кристофер: «В конце концов сорок пять тысяч».)

В те дни я был на подъеме. В нашей конторе (отец один из старших партнеров в руководстве, что меня потом выручало) я стал вызывать самое сильное любопытство: никто не мог представить себе, чтобы младший адвокат, только что приступивший к работе, был настолько захвачен другими делами. На меня смотрели, впрочем, без зла: все свои двенадцать дел, тогда находившихся у меня в производстве, я вел старательно, не подводя контору, только я ходил как влюбленный, должно быть. В разгар моих фантазий и уже и работы мне позвонил Гавард Фрейзер, один из организаторов мирного круиза по Волге, и сообщил страшную новость о том, что норвежцы уже получили из СССР согласие на свой велопробег и они приглашают меня участвовать от американской стороны. Меня обошли буквально на четверть колеса. Фрейзер передал мне желание норвежцев встретиться со мной на неделе... Будучи эгоистичным, потому что испытывал поражение в самом важном для меня деле, я был расстроен оттого, что кто-то более удачлив.

(Эта и большая часть разговоров происходит в общем кругу. Нас пятеро вместе с переводчиком. То, что говорит Кристофер, он говорит в первую очередь Владимиру. Снизу в наш гостиничный номер доносятся песни, потому что ночь наступает теплая.)

Моя семья сказала мне, что, возможно, норвежцы мне понравятся. Я встретился с Торе Нирландом в аэропорту Кеннеди, и он мне понравился, хотя план Торе в нескольких пунктах показался мне не таким совершенным (разумеется!), как мой. Я сказал об этом Торе, Торе попросил передать окончательное решение через неделю: участвую ли я? 16 марта 1983 года в шесть часов вечера я сказал Торе Нирланду и Эндрю Кроглану в аэропорту Кеннеди, что счастлив участвовать и быть координатором с американской стороны и что они могут совершенно на меня положиться. Это было одно из самых трудных решений, меня видела в те дни Эллисон... Я сказал себе, что у меня нет заверений со стороны судьбы, что шанс повторится. Что задевало меня? Уязвленное самолюбие, желание славы? Нет, другое.

Владимир. «Это понятно Кристофер, это можно легко понять».

Итак, я включился в сумасшедшую работу, потому что времени оставалось мало (свой пробег я планировал лишь на 84-й). Сорок пять тысяч я получил в нашем банке в кредит под честное имя моего отца. Кроме того, я должен был на обеде в честь велопробега, когда он прибудет в Уэстпорт, расхаживать в шляпе с надписью: «Уэстпортбэнк». Деньги ушли на организацию жилья на протяжении американской части пути, питания, оплату работы сотрудников. Эллисон отправилась на пять недель в Вашингтон для бесед с конгрессменами. Она каждый день звонила мне в Уэстпорт и рассказывала, что некоторые конгрессмены производят впечатление людей, весьма заинтересованных в идеях мира. Эллисон представлялась от независимой организации «Bike for peace inc.» («Велосипед — за мир!»). Она была счастлива, твердила: «Вьетнам остановили простые люди». Я вел, как уже сказал, двенадцать дел, из которых одно было уголовное, потом дело о пожаре, также дела одной фирмы, которые я тоже вел. «Би ап!»[1] — был главный наш лозунг. Но не этот лозунг был главной причиной того, что я понял, как был прав, согласившись участвовать вопреки требованию самолюбия. Пробег — вот была причина. Тогда я сказал: победа!»

ВЛАДИМИР. *«Я чувствовал, какие у него ноги закрепощенные: вот начинаем прибавлять, и он крутит, понимает, а когда надо тормозить — нет, не чувствует меня, жмет. На остановке я нашел Сашу Григорьева, попросил сказать по-англий-*

---

[1] *«Be up!» — «Будь на уровне!»*

ски: «Кристофер, ты не жми, крути спокойно, ласково, как кошка». Он понял и обрадовался почему-то. Потом я напоминал ему, и он кричал: «Хорошо, как кошка, ладно!» Наконец-то я увидел, как он сидит, и ахнул, потому что проехать буквально на полусогнутых, крутя педали, сто тридцать километров! Это подвиг. Ведь он только под Вышним Волочком сказал: «Надо бы поднять сиденье. Если можно». А я бы так и катил бы его до Ленинграда? Характер! Мне страшно понравился он в тот момент, да еще испугался я за него, не измучился ли? Шел он все лучше».

Они не могли вспомнить, с какой минуты начало складываться понимание ими друг друга и с какой минуты оно перестало быть лишь помощью в пути, а стало необходимым для каждого.

ВЛАДИМИР. *«Он ведь очень похож на меня! Он мягкий, и я тоже все время только стремлюсь к тому, чтобы быть жестким — хочу быть жестким, мужественным. Обычно я неохотно схожусь с людьми. Но не потому, что я не нуждаюсь в людях, даже наоборот. Но мне всегда бывает больно, когда это рвется. Мне показалось, что и он такой, и я стал немного размышлять, наблюдать, это не мешало в пути. Спринтер обязан постоянно видеть дорогу, это выработано у меня годами тренировок, и я был свободен: видел дорогу и думал».*

КРИСТОФЕР. *«Я ни на минуту не забывал, ради чего я еду, но наслаждался природой, воздухом, миром... Как много могут сделать люди, русские и американцы, когда они вместе! — думал я. В первый же день Владимир вдруг подал мне знак: поднажать. И я не понял почему. Я начал уже уставать, он это почувствовал, я знал, он всегда замедлял скорость, почувствовав мою усталость. Мы прибавили и так догнали Шери, и Владимир стал легонько подталкивать ее в спину. Она замахала головой, мы отстали, потом подъехали перед горкой. Тогда я впервые подумал: какие мы с ним? И мне показалось, что мы похожи. А еще несколько раз на меня накатывали слезы — был такой подъем сил, веры!»*

ЭЛЛИСОН, СЕСТРА КРИСТОФЕРА. *«Когда я вышла на перроне Москвы из поезда, я заплакала, увидев сотни людей, встречавших нас. Я не думала, что будут сотни. Какие мы все хорошие люди, и неужели мы бессильны?»*

ВЛАДИМИР. *«Я сентиментальный человек. Люблю «Битлз», из каждой вещи два-три слова знаю. Тот бородатый из Норвегии, он все пишет, пишет каждый день. Дневник, что ли. Что-то туго стал идти наш «пежо». Мне приснится трек... Я чувствую, что происходит что-то подобное. Не могу пока понять что — похоже».*

Шери присела перед детьми на корточки и стала детям протягивать цветы. Дети смотрели на нее как на чудо и трогали ее за волосы. Шери поймала одну ручонку и чмокнула в щеку владельца. «Шери!» — сказала она. «Умница»,— сказала ей старушка. «Что она говорит?» — спросила Шери. «Что ты умная девушка»,— сказали мы. «О!» — сказала Шери. «У меня брат погиб,— сказала ей старая женщина.— Думаешь, он жить не хотел? А знаешь, когда он погиб? Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года. Молодой был, двадцать четвертого года. Дочь моя теперь дома стирает, а я с внучкой пришла на тебя посмотреть. Ты умница, девочка. Брата моего звали Александр Калягин».

Она обняла Шери, и Шери уткнулась лицом ей в шерстяной праздничный платок с цветами по зеленому полю. Шел митинг в Валдае. «Ножки не устали?» — спрашивали люди детей и брали на руки детей. «Человек рожден для счастья и любви»,— сказал в микрофон ветеран войны. «На велосипедах они проедут по всей нашей планете»,— сказала женщина сыну. Площадь была заполнена и оставалась такой долго. Люди пели.

ЭЛЛИСОН, СЕСТРА КРИСТОФЕРА. *«Неужели общение не ослабит силу войны?*

О, как я хочу, чтобы нас увидели все люди, чтобы нас увидели прямо сейчас, чтобы нас поняли, чтобы всем нам сейчас поверили, чтобы они согласились со мной в том, что я вижу и знаю! Мы не чужие, мы не чужие люди!»

КРИСТОФЕР. *«Итак, какие мы? У нас обоих тихие вежливые манеры, мы компетентны, уверены в себе настолько, чтобы у окружающих нас людей возникло и укрепилось в общении с нами чувство безопасности. Владимир немногословный, мягкий. То же я. Я думаю, что Леди Удача посетила нас обоих, дав возможность участвовать в пробеге. Я восхищаюсь Владимиром. В конце концов я понял, что могу на него положиться».*

ВЛАДИМИР. *«На людей у меня интуиция. И вот Кристофер, он мой друг, я знаю. Просто это немного неожиданно для меня. Я этому рад. А вы слышали, как он излагает? О, как он излагает! Мы ехали, и было состояние: поет душа».*

КРИСТОФЕР. *«В моем детстве была такая игра, что один становится в круг зажурившись и, расслабившись, падает, а остальные подхватывают его у самой земли. Мне удавалось так расслабиться... в детстве, но потом я никогда не играл в подобные игры, мне не хватало уверенности в тех, кто стоял вокруг, и я уже не закрывал блаженно глаза — я знал, что могу расшибить затылок.*

Да, я не на сто процентов приспособлен к тандему. Но я стараюсь. Я стараюсь Владимиру не мешать. Я стараюсь понять, что нужно в каждый миг. С ним я вспомнил эту игру и благодарен ему за это. Я могу уснуть за его спиной, закрыть глаза, слушать только звуки, угадывать по звукам, где мы. Дело не только в безопасности, дело в доверии, это вопрос доверия и души. Когда я почувствовал это — такую высокую степень доверия к этому человеку, я испытал чувство облегчения, как будто я нашел человека, которого разыскивал безуспешно. Это навалилось на меня подобно сну, сну после дороги, и я поневоле закрыл на минуту глаза. И тут я подумал: «А не попеть ли нам?» «А не попеть ли нам «Битлз»?» — хотел я его спросить. Но он уже начал с «Yesterday».

НЕОЖИДАННО ДЛЯ ВСЕХ. В Новгороде перед огромной толпой Кристофер вышел на эстраду летнего парка и вручил петицию на подпись мэру. У него оставалось немного времени для собственной речи. Он сказал:

— В прошлом году я уже был в этом городе.— Внезапные аплодисменты перебили его.

— С девушкой по имени Елена, она юрист по профессии, я прогуливался по этому прекрасному парку. Я пообещал ей, что еще раз приеду в этот город, я поделился с ней своей мечтой о пробеге. Елена подарила мне на память кольцо, которое с того дня я не снимал с руки.

Он поднял руку, и кольцо слабо сверкнуло на мизинце. Никто не захлопал, все замерли.

— Ее здесь нет! — сказал Кристофер в микрофон, и это донеслось до другого берега реки.— Она работает в другом городе. Но я выполнил свое обещание и исполнил мечту. Я привез кольцо, и она его, конечно, получит.

— Love story? — сказал флегматичный Джон Доулин, глава революции велосипедов.

Пробег только начинался, шла первая неделя пути. Владимир сидел на скамейке в скверике перед гостиницей «Волхов», вечер был прямо желтый, потом они проехали Финляндию, Швецию.

Что было п о д о б н о е той его олимпийской победе в этих днях? Что он почувствовал? Он же сказал: «Начинается что-то подобное». Ведь то, что могло уместиться в краткую долю секунды тогда, потребовав всех сил и, главное, всей человеческой способности чувствовать и понимать от двоих, теперь растягивалось на дни и недели и требовало, требовало, требовало сил от многих, всех.

Вершина, к которой стремились все, была той высотой, на которой только и можем мы теперь жить.

КРИСТОФЕР. *«Я предсказываю: эта история продолжится! Мы с Владимиром найдем друг друга, дружба разовьется и укрепится, мы поднимемся на новую высоту — мы приложим для этого все силы. И что может нам помешать? Мы должны понять друг друга. Прекрасное время: Леди Удача ведет нас.*

— Кристофер, помните, вы рассказывали о фантастических проектах финиша пробега? Каким вы представляете этот день?

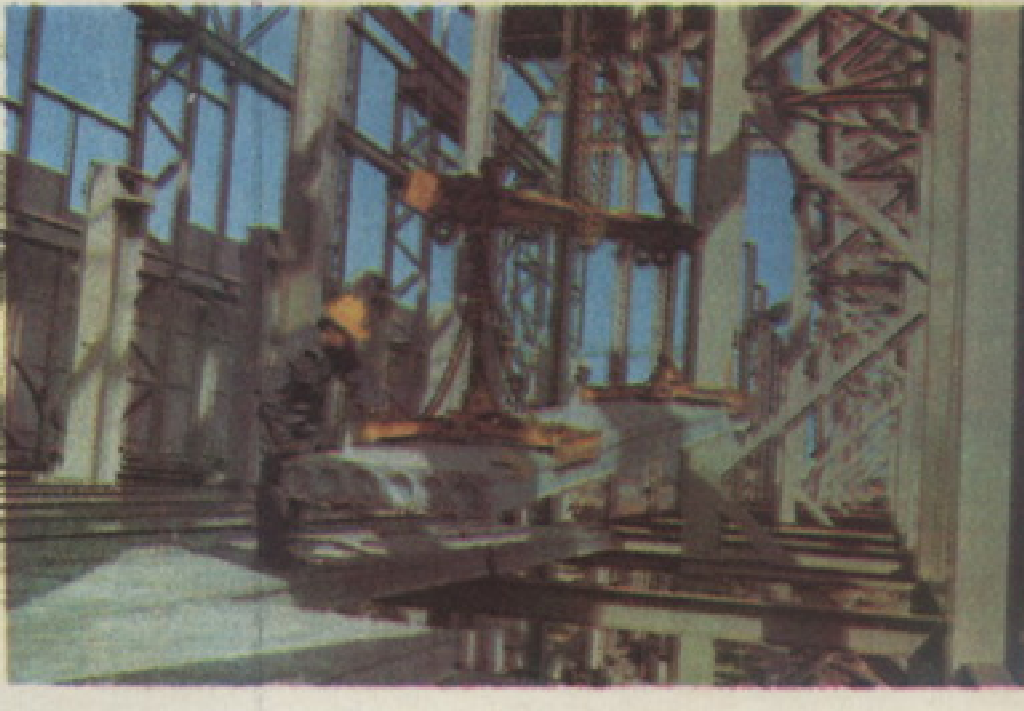
— Я занят другой мыслью: сколько бы ни было фейерверков в день, когда пробег завершится по программе, придуманной нами, самым важным результатом будет результат, которого добьется каждый из нас. Это не спорт. Но каждый — теперь я говорю о себе, конечно, в первую очередь — должен во время пробега принять некое решение. Возможно, эта мысль внушена мне Владимиром, о котором я пока знаю, что он ленинградец, советский человек, друг. Что делать мне в жизни? Наверное, это противоречит тому, что я говорил раньше, но я рад перемене».

САМПО

М. БЕРГЕР,
наш спец. корр.
Фото автора

Ровно десять лет назад, в конце 1973 года, первый финский бульдозер пересек советскую границу в районе озера Контокки. Примерно в то же время, несколькими месяцами позже, Андрей Ивашков подал документы на строительный факультет Петрозаводского университета, куда и поступил, ничего не подозревая о событиях в районе Контокки и небольшого села Костомукша, хотя он впоследствии имел к ним самое непосредственное отношение. Имел к этим событиям отношение и молодой финский парень Антти Вимпари.

В 1946 году, когда ни Андрея, ни Антти еще не было на свете, советские геологи братья Кирилловы обнаружили в районе Костомукши месторождение железной руды. На освоении этих залежей и встретились Ивашков и Вимпари. Большие дела государств не могут не касаться граждан, иным составляя судьбу. А Костомукша очень крупное советско-финское дело.

Уже на следующий год после открытия Кирилловых в Костомукшу была направлена более крупная экспедиция, которая определила запасы главного месторождения. Если бы поблизости был горно-обогатительный комбинат (ГОК), то ему хватило бы сырья на многие годы. Причем сырье можно было добывать открытым способом.

В 1948 году был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией. В его пятой статье было записано: «Договаривающиеся стороны подтверждают свою решимость действовать в духе сотрудничества и дружбы в целях дальнейшего укрепления экономических и культурных связей...»

Решимости, о которой говорилось в пятой статье Договора, сторонам хватало. Финляндия была первой капиталистической страной, проявившей заинтересованность в развитии долгосрочных производственных связей с Советским Союзом. В свою очередь, Советский Союз впервые в своей практике экономических связей с капиталистическими странами стал привлекать финские фирмы к сооружению объектов на своей территории. Первый контракт на строительство ГЭС Янискоски в Мурманской области был заключен еще в 1947 году. Затем последовали контракты на строительство других гидроэлектростанций, строительство гостиниц в Таллине, Ленинграде и Выборге, на расширение и реконструкцию Светогорского целлюлозно-бумажного комбината в Ленинградской области и ряд других.

То, о чем договариваются государства и правительства, исполняют граждане. Андрею и Антти выпало строить Костомукшу. Молодой инженер-строитель Ивашков попал сюда по распределению после окончания университета в 1979 году. Стройка уже гремела, и Андрей сам попросил направить его в Костомукшу. Просьбу удовлетворили. Двадцатишестилетнему Антти пришлось посложнее. Мало было пожелать. Нужно было, чтобы его кандидатура оказалась предпочтительнее — желающих немало. Антти уже имел не только строительный опыт, но и опыт работы в СССР, так что он этот конкурс прошел.

Андрей и Антти — кураторская пара. Название «куратор» — дань гостеприимству по отношению к финским коллегам. По нашему штатному расписанию должность Андрея называется «инженер технического контроля», в непротокольной речи строители употребляют финский вариант.

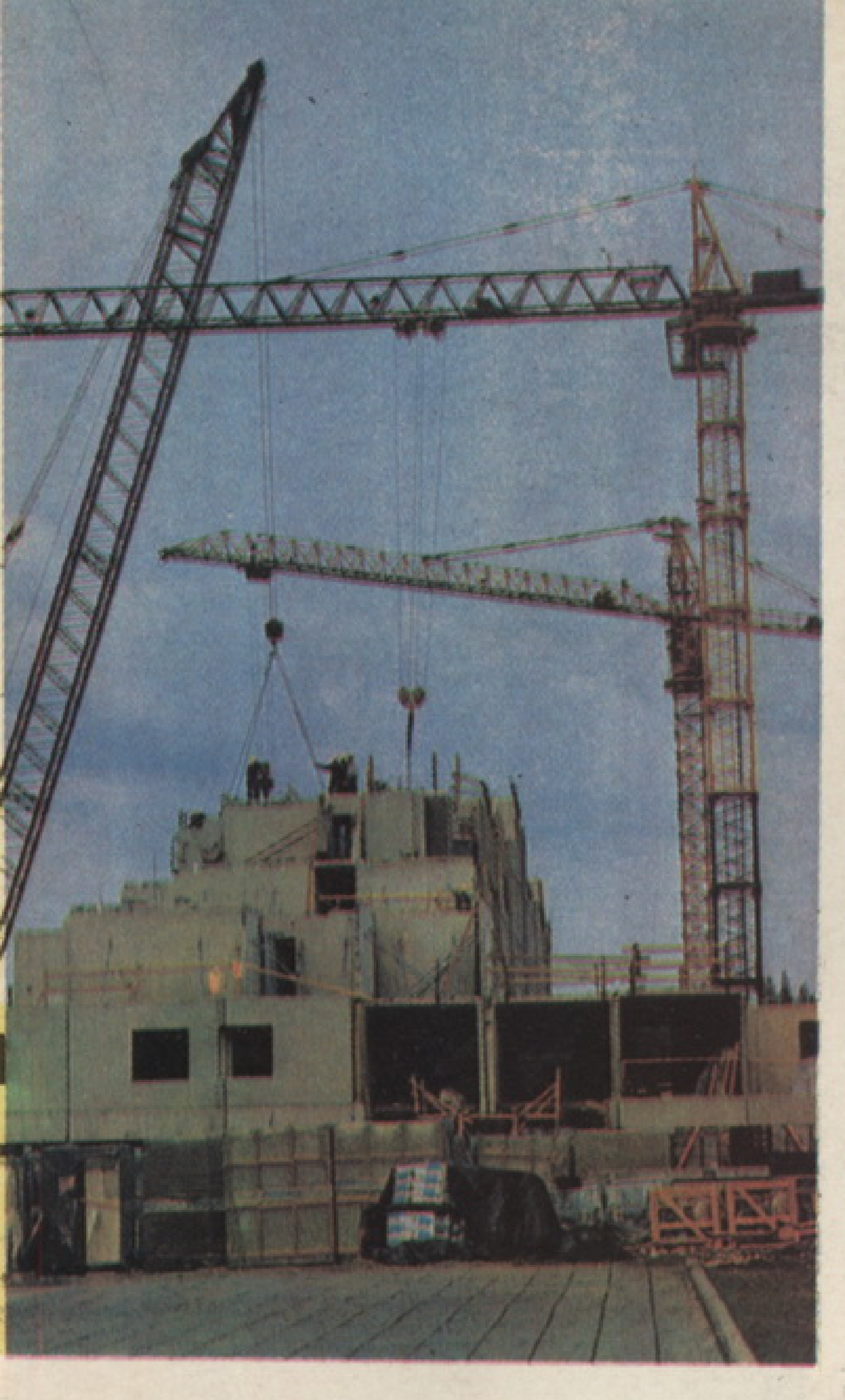
Каждый день Андрей и Антти надевают одинаковые каски (только у Ивашкова на каске написано «ГОК», а у Вимпари «ФС», что означает — акционерное общество Финнстрой) и отправляются на стройплощадку. Финны строят корпуса комбината и, как сказано в соглашении о строительстве, часть прилегающего к нему города. Наши «начиняют» производственные корпуса машинами и оборудованием. Так вот, перед тем как начинается монтаж оборудования, Андрей и Антти принимают очередной этап строительных работ. Если Ивашков приходит к тому же мнению, что и Вимпари, то есть если работа выполнена в соответствии с проектом и на высоком уровне, наши монтажники начинают свое дело. Если Антти приходится соглашаться с мнением Андрея — что-то сделано не так,— недостатки немедленно устраняются, пока стороны не придут к общему выводу, что все выполнено в лучшем виде. Так работают кураторы. Следует особо отметить, что ситуации второго варианта («что-то не так») случаются крайне редко.

У строительства есть своя логика, без которой невозможна совместимость строительных и монтажных работ. Кураторы следят за соблюдением этой логики, заложенной в проектах. Их работа в этом плане — продолжение еженедельных монтажных переговоров между руководством Финнстроя и руководством строительства ГОКа.

Слово «переговоры» — одно из самых ходовых на международном объекте. Финны в одной из публикаций об этом так и написали: «Работа на стройплощадке — это ежедневные переговоры на различных уровнях, где стороны научились доверять друг другу и не бояться трудностей».

Сотрудничество и взаимопонимание рабочих, инженеров, организаций — это логическое продолжение и развитие сотрудничества и взаимопонимания на высоком государственном уровне.

Первый официальный разговор о

«СССР и Финляндия сотрудничают как полностью равноправные партнеры. Мы никак не вмешиваемся во внутренние дела друг друга, каждая страна строго соблюдает суверенитет партнера и уважает его интересы. Мы установили и развиваем широкие экономические связи, по-настоящему выгодные для обеих сторон».

Ю. В. АНДРОПОВ

Костомукше состоялся летом 1970 года во время пребывания президента Кекконена в СССР. Через полгода президент назначил делегацию для переговоров об участии финских строительных фирм в проекте.

Пока Андрей Ивашков готовился стать инженером-строителем, велись подготовительные работы по освоению Костомукши. В 1976 году были уложены рельсы Костомукшского железнодорожного пути. За два с половиной года на почти необитаемых землях, где сто пятьдесят лет назад записывались руны «Калевалы», был построен путь почти в 100 километров по финской территории и 40 — по советской. В 1977 году можно было уже вплотную говорить о строительстве комбината и поселка [1].

После поездки в мае 1977 года в Советский Союз президент Кекконен скажет, что это был самый важный из его визитов в СССР [2]. Одна из причин такой оценки президента — подписание соглашения о Костомукше — крупнейшего подряда в истории финского строительного экспорта.

Соглашение включает сотни объектов: рудоподготовительные фабрики, очистные сооружения, жилые дома и множество других сооружений.

Для Советского Союза сотрудничество с Финляндией в строительстве этого комбината позволило высвободить значительные средства для вложения их в другие крупномасштабные и перспективные стройки.

К этому времени уже был накоплен немалый опыт совместного строительства, говоря о котором прежде всего надо сказать о реконструкции и расширении Светогорского целлюлозно-бумажного комбината. Это был очень крупный заказ, с которым связывают появление Финнстроя, объединившего группу опытных строительных предприятий.

Тысячи финнов Светогорск обеспечил работой на годы. Объем объектов (а у финнов принято говорить об объемах в буквальном смысле слова) одной только первой очереди составил 840 тысяч кубометров — это восемь зданий финского парламента.

Но Костомукша превзошла все, что было до нее. Если опять говорить об объемах строительных объектов, то на всех трех очередях они составляют 7,5 миллиона кубометров.

Финнстрой заключил 200 контрактов на подряды с разными финскими фирмами, начиная от крупных строительных организаций и кончая владельцами двух-трех бульдозеров или другой техники.

Во второй половине 1978 года в Костомукше уже работало около трех с половиной тысяч финских строителей. В середине августа того же года был досрочно сдан первый пятиэтажный жилой дом. А в сентябре состоялась торжественная закладка фундамента ГОКа. В фундамент был вложен медный цилиндр с центральными газетами обеих стран от 14 сентября 1978 года, монетами и актом о закладке комбината.

Вся эта работа была проделана правительствами, организациями и рабочими двух стран до того, как Ивашков и Вимпари встретились в Костомукше.

— О чем мы говорим с Антти на работе? Финский язык не из тех, какой легко выучить,— замечает Андрей.— Не исключено, что и Антти того же мнения о русском. Но мы научились отлично понимать друг друга. Все-таки два года вместе. Ну а то, что мы правильно понимаем друг друга,— это факт. Лучшее доказательство — комбинат, который мы строим. Он уже выдает продукцию, а строительные работы проводятся в срок и с должным качеством. Но есть тема, где без разговора не обойтись. Не только Антти — все финны на строительстве не упускают случая спросить, что мы думаем о наших государственных планах сотрудничества с Финляндией. Их очень интересует, что мы предполагаем строить и собираемся ли их приглашать. Для них это вопрос будущей работы.

Из окна квартиры Андрея на пятом этаже девятиэтажного дома, построенного финскими рабочими, видно полгорода и озеро Контокки. Удивительный вид подчеркивается необычной формой окна. Оно вытянуто горизонтально и называется окно-картина. Сходство подчеркивается темно-зеленой окраской рамы — под цвет «полотну». И то, что за окном, действительно заслуживает называться картиной: спокойная и немного таинственная природа Севера и практически не нарушающий ее гармонии город. Кругом столько зелени, причем не посаженной, а просто бережно сохраненной, что кажется — это не город в лесу, а, наоборот, лес в городе. Иногда даже возникает ощущение, что это не промышленный город, а лесной санаторий. Прямо у подъездов уже можно собирать грибы и ягоды.

Костомукша, особенно если смотреть на нее с высоты, поражает почти макетной своей аккуратностью и продуманностью. Строили сразу начисто, без времянок. Здания как бы вставлены сверху в просветы между деревьями. Даже махина комбината, отнесен-

---

[1] *Поселок Костомукша преобразован в город в 1983 году.*

[2] *Была подписана Долгосрочная программа дальнейшего углубления и развития торгово-экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества между нашими странами до 1990 (ныне продленная до 1995) года.— Примеч. ред.*

ного за семь километров от города, выглядит среди того же леса невызывающе и аккуратно, насколько может быть аккуратным индустриальный пейзаж с огромными производственными корпусами, 185-метровой трубой, складами и подсобными сооружениями.

Андрей глядит в свое окно-картину на Контокки:

— На этом озере весной переиграли финнов.

— Пятнашки на льду, что ли?

— Да нет, соревнования по подледному лову. Наша команда выловила девять килограммов, их — четыре.

Спорт, пожалуй, единственная сфера, где интересы двух сторон не совпадают. Каждый хочет победить. Ну а иначе это был бы уже не спорт. Андрей и Антти соперники в футболе и лыжах. В баскетбол играет только Андрей. В остальных видах спорта здесь обходятся без них.

— Четыре года подряд наши выигрывали спартакиаду, а в этом — проиграли,— с огорчением говорит Андрей.— Интересно, это мы сдали или они поднажали?

Спортивные встречи не единственное место внерабочего общения Андрея и Антти. Оба они бывают в молодежном интерклубе. Но здесь, в какой бы секции ни проходила встреча: современной политики, истории и этнографии, литературы и искусства,— никто ни над кем не ищет превосходства. Все хотят общих побед.

Я попросил двух кураторов сказать друг о друге коротко.

Андрей: С Антти хорошо работать, он отлично знает свое дело. Но с ним страшно сидеть рядом, когда он гонит свою машину по дороге, как по взлетной полосе.

Антти: Андрей толковый инженер, но не очень разговорчивый.

Если взаимные замечания этим исчерпываются, можно утверждать, что кураторы отлично сработались. Тем более что, по мнению Антти, молчаливость не порок. Ну а быстрая езда — дело вкуса и правил дорожного движения.

Мы с Андреем как-то спросили у Антти, что он обнаружил сходного у молодежи двух стран и что отличного.

— Я не социолог, а инженер,— ответил Антти,— но я успел заметить, что ваши молодые люди так же ухаживают за девушками и так же никто не хочет войны. Что касается различий, то русские, как никто, наверное, очень общительны и любят проводить время в больших компаниях. Нам это несвойственно. Правда, есть одна, и очень большая, компания, в которой я готов проводить сколько угодно времени. Это многотысячная международная компания строителей Костомукши.

Времени на послерабочее общение немного. Антти говорит об этом с сожалением. Но это чисто технические сложности. Каждую пятницу финские строители уезжают домой и возвращаются в понедельник к началу рабочего дня. Так что совместных «уикэндов» практически не бывает. А те, кто живет недалеко от границы, бывают дома и того чаще и даже часы не переводят на час вперед. А Марку Хейкинен, коллега Антти, ездит домой в Финляндию чуть ли не каждый день. У него недавно родился ребенок, и там, естественно, много забот. Марку бывает здесь только рабочий день. Но это, надо сказать, тоже не так плохо. Общее дело — отличная форма общения.

По моей просьбе заместитель генерального директора комбината Э. В. Макара помог мне организовать две встречи «в верхах»: с руководством финской фирмы и финского профсоюза строителей.

У дверей кабинета директора Костомукшского стройтельного отдела а/о Финнстрой Эса Вуолтеэнахо горела желтая лампочка. Секретарь поглядела на нее и попросила немного подождать: хозяин кабинета разговаривал по телефону. Очевидно, каждая из разноцветных лампочек показывала, что происходит за дверью, чтобы секретарь могла ориентироваться, не отвлекая шефа вопросами. Вскоре я на себе ощутил эффективность этой системы. Во время нашей почти часовой беседы никто не заглядывал в дверь, никто не звонил по телефону и вообще не оказалось ни одного срочного дела, которое хоть на секунду бы нас отвлекло.

Собеседник сказал, что экономическое сотрудничество наших стран — прекрасное поле деятельности для финских специалистов и рабочих, для множества организаций, в том числе и для фирмы, которую он представляет. Директор отдела сказал также, что Финнстрой, ставший благодаря советским заказам крупнейшим экспортером в области строительства, рассчитывает на дальнейшее развитие сотрудничества, на новые заказы. Появившееся недавно в печати сообщение о том, что Политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопрос о строительстве в Карелии, по его мнению, дает основание с надеждой смотреть в будущее.

— По какому принципу фирма подбирает субподрядчиков?

— Как известно, у нашей экономики рыночное регулирование. Поэтому вопрос решает конкуренция. Мы отдаем предпочтение тем, кто берется выполнить работу быстрее, лучше и дешевле.

На вопрос о профессиональной подготовке кадров Вуолтеэнахо ответил:

— Костомукша слишком ответственный объект, чтобы мы приглашали неопытных рабочих и учили их здесь, на месте. Те, кто приезжает сюда, должны иметь высшую квалификацию, а не овладевать профессией по ходу дела.

Директор подчеркнул большое значение Костомукши для развития восточных районов Финляндии, особенно соседней губернии Кайнуу. Очень многие строительные фирмы губернии, включая и самые маленькие, смогли так или иначе участвовать в этом строительстве.

С председателем отделения профсоюза Ойва Суутари мы встретились в библиотеке финских строителей, куда он зашел вместе со своим заместителем Рейе Хиетаненом.

— Мы с интересом прислушиваемся к мнению рабочих о сотрудничестве,— рассказывает О. Суутари.— О чем они говорят? Им нравится не только вместе работать, но и отдыхать, заниматься спортом, обсуждать различные проблемы. Всем было интересно на совместных семинарах по практике внутреннего оформления зданий, по охране окружающей среды. Интересно прошла и встреча финских и русских водителей.

Наша главная задача на стройке? Пока меня не избрали главным доверенным лицом, я работал здесь плотником. Меня избрали в первый раз, а вот Рейе — уже три года подряд. Значит, он отличный парень. От работы мы освобождены, но дел больше, чем было на рабочем месте. Мы следим за точным соблюдением контракта между рабочими и администрацией, а дело это хлопотное.

О библиотеке стройки стоит сказать отдельно. В ее основе — подарок Карельского отделения общества «СССР — Финляндия».

Секретарь по культурным связям общества дружбы «Финляндия — СССР» Тапио Невалайнен берет с полки толстый том.

— Пожалуй, это один из самых популярных авторов — К. Пяятало. Он бывший строитель. В основе его произведений его жизненный и, главное, производственный опыт. Книги расходятся очень быстро. Но наиболее дефицитные книги я вам показать не смогу. Все на руках. Это словари и разговорники. Наши рабочие хотят лучше понимать русских коллег. Русские тоже не отстают и ходят сюда, в библиотеку, на курсы финского языка, организованные нашим обществом. Всем хочется узнать друг друга получше. Потому так популярны вечера дружбы, другие совместные мероприятия. Костомукша — грандиозная стройка. Нам с нашей проблемой занятости она особенно нужна. Но даже у самых лучших совместных строек есть один обязательный изъян. Они заканчиваются, и приходится разъезжаться по домам.

В одной из финских газет строительство в Костомукше назвали «сампо». Эта сказочная мельница из эпоса карельского и финского народов давала людям все необходимое для жизни. Взаимовыгодное сотрудничество, совместная работа действительно способны сделать жизнь богаче и лучше.

Когда мы расставались, я спросил у Антти, что бы он пожелал самому себе на будущее.

— Такого же настроения и такой же работы, как здесь, в Костомукше,— ответил он.

ДВА СЫНА

Рассказ
Екатерины Семеновны
ПЕРЕБЕЙНОВОЙ

В воскресенье с мужем пошли на базар. На неделю заготовку делали. Приходим с базара, а во дворе черный рупор: «Внимание! Внимание!» Что ж такое, думаю. Соседям кричу: «Ох, Михайловна! Идите сюда!» Муж подошел, посбегались люди. На нас напал жестокий враг... Конечно, было ужасно. «Миша (это муж), что мы будем делать?»

Жоржка, двоюродный брат мужа, с первого дня пошел. Сынок мой говорит: «Дядя Жоржка пошел, и я пойду!» — «Петик, да ты что! Ты ж в восьмом классе...» Он такой мужественный был, вот такого роста. Он страшно любил моряков. Он за это душу отдавал. «Мам, вы не расстраивайтесь! Я пойду! Меня,— говорит,— Родина зовет». И отправился.

Господи, ну что я могла сказать!

Мы (несколько матерей) пешком шли из нашей станицы Дундовской до Майкопа. Километров шестьдесят, наверное, а вообще я не знаю... Все детям своим понесли, понесла ж и я что могла. Сало, яблоки нашкребаем. Уже они одетые в военном. Их там много, я не узнала бы, а он меня увидал: «Мама, я вот!» Мы продукты передаем. Он выходит, в шинели, а у него на поясе граната. Тут же кричат, нельзя передавать, он говорит: «Мама, передайте на общую кухню!»

И все. Куда? Что? Не знаем.

Писем не было.

А он на Малую землю попал, в морскую пехоту. Присылают телеграмму: «Родители такого-то, приезжайте, ваш мальчик в тяжелом состоянии».

Я на вокзал, я показываю телеграммку! У меня сын раненый! А обходчик ходит, фонарем машет вот так: ни в коем разе! Я хочу к эшелону; ни в коем разе нельзя, это воинский эшелон!

Вы не видели тех эшелонов, какие они длинные. Красные балластные вагоны — скотину до войны возили, уголь. Огромные двери, сидят красноармейцы, песни кричат.

Я показываю телеграммку.

Я говорю: «У меня сын лежит в Сочи, в госпитале».

Два краснофлотца меня под руки подтолкнули, обходчик пока подошел, я уехала уже. Пересадка какая-то была у меня, развилка на Сочи. Один краснофлотец говорит: «Пойдемте, я вас доведу до самого госпиталя «Десять лет Октября».

Там — миллион людей уже. Кто на костылях, кто перевязанный. Такого ужаса, что я видела, никому не желаю не только пережить, но и видеть.

Женщина вышла: «Что хотите?» — «Та мой сынок, наверное, здесь, посмотрите». Ушла, посмотрела: «Вы знаете, ваш сын здесь».

Мужчина идет: «Никакого допуска ни в коем разе нельзя. Нельзя,— говорит,— пустить мать». А это был начальник госпиталя.

Женщина говорит: «Вы не будете расстраиваться?» — «Нет! Я буду себя держать!» Я ж не знала, каким я его увижу.

Полог марлевый открыла, такой полог был, чтоб мухи на него не садились.

Он лежал голый.

Он весь черный-черный лежал.

Он паленый. Паленый весь.

Муж пишет: «Ни в коем случае не уезжай, ни в коем случае!»

Дали мне комнатку над аптекой, я осталась.

На его теле было тридцать шесть ран.

Такого я и животному не желаю.

Вы не обращайте внимания, что я плачу.

Не возмущайтесь.

Они сами ко́тятся.

Петик, мой сыночек!

Его не поцеловать, не обнять, ничего.

И тут у него так — рот скрепкой скреплен. Кормили его искусственно. А потом стали из чайничка в угол рта. Он шепчет: «Мамочка, глаза целые у меня».

Это я от сына услышала в первый раз, и все, меня вытянули оттуда. Вертается начальник госпиталя и видит, что меня колют уже уколами. Одеревенела я.

Начальник говорит: «Кто мать пустил?» Женщина та (самой както спасаться надо) говорит: «Она сама ворвалась туда».— «Вот так нельзя! Вы больше сына не увидите! Вы знаете, как их трудно лечить! Их расстраивать нельзя. Если не будете расстраивать, мы его легче подымем».

Чего я только с собой не везла! Кроме белых булочек — все везла. Кубанского меда баллончик из совхоза дали: «Вот вам, Екатерина Семеновна, вы в госпиталь едете...»

«Мамочка,— он шепчет,— мне ж кушать нельзя! Понесите-ка, там есть тяжело больные. (А он не тяжело больной!) К ним никто не приехал...»

Женщина говорит: «Пойдемте, я вас в одну палату проведу нанизу».

Ой, каких я людей видела! Ой, караул!

Кто песни поет.

Кто матюгается.

Кто кричит.

Кто разговаривает.

И все замотанные, белые.

Красивый такой парень с закинутой головой вот тут лежал, спрашивает: «До ковысь, мама, приехала?» — «Я ко всем! Я ко всем приехала! Сыночек, ты будешь мед кушать?» — «Буду».

Я побежала, взяла булочку — там все можно такое купить было, ложку взяла, буду их кормить.

«Вы меня покормите, а то у меня руки привязаны». Кусочки в мед бросаю и кормлю.

«Вы мне здоровья сто пудив прибавили, мама!»

И он же, бедный, на второй день умер.

«Ну, ребятки, кому меду?»

А они все лежали без рук, без ног. Женщина говорит: «Они все говорят, что у них руки привязаны».

К морю пойду, накричусь, чтобы никто не видел, не слышал,— и опять к сыну, как разрешат. Раз иду к морю, на скамейке у моря два летчика сидят высокие. Подошла, села: вот такие сжатые лица у них обугленные и носы сплющенные.

«Видите, какие мы красивые!» — говорят.

«А вы красивые!»

«Да кому мы нужны! Кто нас видеть захочет!»

«Умным девочкам вы нужны. Я же вот вас вижу... Почему вы не нужны?»

Тот на костылях, тот кричит в палатке: «Да лучше ж не жить!», этот кричит: «Да спасите, да дайте что-нибудь!» А кричал бы и львиным голосом, но как поможешь?

На ту войну не воевать пойти, а только посмотреть — так это ж разрыв сердца.

«Ну, теперь, сынок, я тебя заберу домой! Теперь тебя спишут уже! Поедем! У нас же госпиталь там! Подлечат! Тебя спишут!» — «Мамочка, если все мы будем прятаться, кто будет Родину защищать?»

Поехал он в батальон выздоравливающих в Хосту. Потом пишет из Днепропетровска: «Папа и мама, я на курсах. Я переквалифицировался: то я был десантщик, а теперь я радист. Но только,— говорит,— я ни за что не останусь. Меня за что ж так? У меня левого уха нет. Я пойду и отомщу за себя и за тех детей, что я видел на кольях одетыми. Людочка (это сестра), пиши мне письма, жди меня с фронта, скоро будет Победа, я привезу тебе куколку.»

Из Румынии уже писал: «Хочется не кушать, а холодной воды напиться».

С Белграда, с Югославии получаем письмо: «Меня,— говорит,— перерезал снайпер, перерезал напополам фриц. Выбросили из меня селезенку и еще что-то. Но буду жить. Приду с фронта, и тогда будете ждать не с фронта, а с улицы, где развлекаются мальчики и девочки».

Мне не показывали! Мне два года не показывали! То извещение увидел в военкомате врач Иосиф Самойлович Азман, мы близкие были. И говорит: «Извещение я забираю, я сам буду вручать».

Петечка Иосиф Самойловичу с фронта письмо написал: «Дорогой Иосиф Самойлович! Спасите моего папу! Я защищаю Родину, я защищаю Вас, но спасите моего папу!» Иосиф Самойлович держал это письмо, пока не умер. «Это письмо для меня на всю жизнь» (так говорил).

Иосиф Самойлович пришел: «Михаил Трофимович, ты мужчина. Ты мужчина. Ты мужественный должен быть. Ведь Пети то нет».

Муж опустился тут же. Его увезли в больницу.

А я задаю вопрос: «Ну почему так долго писем нет?»

Отец вышел из больницы и говорит: «Катя, не будем этому верить!» Сам знает, а меня поддерживает!

Но верим. Надеемся.

Потом присылают уже с кладбища памятничек заснятый (мне тоже не показывали).

Наконец Иосиф Самойлович и муж говорят: «Крепись, мать! Будем, конечно, и дальше его ждать. Но его нет».

А муж говорит: «Все продам, пусть я останусь с одной душой, но я поеду на могилу сына!» Только не поехал, умер.

Приходит однажды дочь со школы и говорит: «Мама, певец какой-то приехал...» А мне оно нужно, этот певец... Мое дело — письма перечитываю и плачу, чтоб детвора не видела. Не верю. Никому не верю.

«Нам на школу дали три билета. Один билет мне попал,— дочь говорит.— Но я не пойду. Ты пой-

ди. Ты увидишь человека из той страны, где наш Петик, будешь представлять. Пойди!»

Ну не смогу! То ли я буду кричать, то ли упаду! Ну как это! Я за себя не отвечаю! Я услышу по радио «Югославия» — и плачу, у плиты стою. Одеревенею вся. Дочь письма прятать от меня стала.

И так никто не пошел.

Я сижу и думаю: этот человек оттуда, где мой Петик. Нет, я не пойду на концерт. «Скажи мне, где он находится, где поселился у нас этот человек?» Дочь говорит: «Не знаю».

Да уже я столько этих пилюль глотала страшных, этого горя! Не пойду!

Да скажут: Югославия — я падала, я не могу!

Пойду!

Оделась, взяла денег пять рублей на цветы. Женщина посмотрела на меня и говорит: «Вам, наверное, на какое-то горе?» — «Да нет». (А для меня темная ночь все время была.) Она взяла цветов сколько в ведре было и на мои пять рублей все отдала.

На троллейбусе поехала до Энгельса (главная улица в Ростове). А я не знаю, куда ехать! Я ж не знаю, где этот человек!

Господи, укажи мне путь! (Всю правду говорю.) Прошу: толкни меня, направь! Водитель говорит: «В троллейбусе толкучка, вы цветы в мою кабину».— «Вы, сынок, мне посоветуйте, где иностранный певец находится?» Он говорит: «Джорджи Марьянович?» А я знаю?! «Вот только дорогу перейдете, там гостиница «Интурист».

Захожу: вижу, стоит человек важный такой, как его? (Швейцар? — Швейцар!) «Вам кого?» — «Мне старшего».— «Администратора?» — «Да!» — «Да вон их сколько за конторкой сидит!»

Люди-иностранцы ходят, говорят, я жду. До меня очередь дошла. «Вы ко мне?» — «Я к вам. Вы мне только растолкуйте, я, может, не так... Мне нужен человек с Югославии». Она говорит: «Я сейчас позвоню и спрошу, не отдыхает ли он». Ей отвечают: «Не отдыхает». Поднялась она со мной до десятого этажа, опять телефон в комнате, где и телефонистка сидит, опять позвонила: «Скажите, что, Марьянович отдыхает?» Я вот так стою и эта женщина, и нам говорят: «Вы его сейчас увидите. Сейчас он выйдет к вам».

Я уж не знаю, что со мной выйдет. Кто ко мне выйдет? Какое оно? А вдруг что-то такое выйдет и скажет: чего ты, бабка? А к нему все больше молодежь лазила. А тут бабка.

Вдруг он против меня вот так идет. Положил руки вот так на плечи: «Я Марьянович с Югославии». А у меня все — цветы посыпались, отключилась...

Сели так.

«Наверно, ваше горе у нас похоронено?» — «Деточка мой у вас...» — «Не плачьте, это наше общее горе!» — «На могилочку никто к нему не придет, цветов не положит, не помянет — в чужой земле он остался...»

Я реву, а он себе плачет.

Посидели.

Он эти цветы взял и говорит: «Я эти цветы довезу и положу на могилочку нашего Пети».

«Поклонитесь вы этому!

Поклонитесь земле, где мой сын захоронен!»

«Если он там похоронен, я даю слово, что я найду могилу!»

Прошло сколько времени. Приходят люди. Я в глазок заглянула. Стоят три мужчины. У одного на шее что-то надето, у одного папка...

Цветы гвоздики мне дают, поцеловали меня, сели. Они из газеты из нашей «Молот» и с обкома. С папкой спрашивает: «Кто у вас есть в Югославии?» — «Ну кто? Сынок мой там похоронен».— «Мы вам, конечно, горькую радость принесли».

Открываю папку, а там фото: Джорджи кладет цветы на могилку.

Пока глаза мои не закроются, я ему буду очень благодарна... Очень. Земной поклон всегда-всегда ему.

Потом собралась я сама в Югославию ехать на могилку. Только ноги у меня болели. А лекарства этого не было. А я такой человек, что, если нет, я все равно говорю, что есть, мне не надо. Дочка говорит: «Мама, тебе же без этого лекарства плохо, ты встать не можешь... Позвони Марьяновичу, попроси, может, у них есть...» — «Да это стоить будет рупь пятьдесят две копейки минута!» — «Хоть что! Позвони!» — «Нет, не буду». Она сама тогда позвонила и мне трубку дает. Джорджи сразу узнал: «Мамочка, это вы?» — «Это я, сынок».— «У меня такой был обильный концерт, что я до одиннадцати лежал...» — «Джорджи, если хоть один тюбик лекарства этого...» — «Мамочка, сейчас встаю и бегу в аптеку! Тут есть люди из Киева, я через них, чтоб быстрее...»

Он пять тюбиков прислал. Я через это совсем вылечилась. В его доброте я вижу своего дитя.

Поехала я потом. Наш поезд красивый, купе бархатом обитое. Красиво! Мне кажется, как будто я еду в Москву, не знала я, где эта Югославия. И как будто меня кто-то сзади толкает: езжай! езжай!

Не боялась я. На границе постучат, войдут, ломаным русским языком поговорят и уйдут.

Когда приехала я на вокзал, мне показалось такое все маленькое... Тут я растерялась. И Джорджи тут как тут с машиной: «Мама! Как здоровье?» — «Вот отлично, видишь». И забрали меня к себе. Детвора спрашивает: «А кто это?» — «Бабушка».

Никуда не ходила я, все боялась заблудиться... Только на кладбище и с Джорджи по парку. Его все знают, каждый кланяется, подходит, а он говорит: «Моя русская мама!» — и мне все руку целуют.

Уважительные люди югославцы.

Я все больше у него сидела с детьми. Марко подойдет: «Баки, ту-ту-ту...» Я ему: «Ай-яй-яй...» Понимаю, что жалится.

Я такой человек, что если я где-то, то мне и есть не хочется.

Я ведь все же побывала на том месте, где мой сыночек лежит. Кто будет в Югославии — там большой памятник русским солдатам, а около этого памятника мой сыночек, плиточка маленькая. На этом памятнике никогда нет, чтобы цветы не лежали.

Мы туда пришли, со мной вся его семья, жена Элли, Джордживы дети. Марко (ему пять тогда было) спрашивает: «Почему баки плачет?» — «Марко, она плачет за таким сыночком, как ты у меня».— «А почему здесь?» — «А потому мы и живем, что здесь у баки сыночек закопан лежит». Взял и встал на колени тогда мальчонок.

А я травочку сорвала и с этого места земли привезла.

Записал А. ПОЛИКОВСКИЙ
Фото Л. АНИСИМОВА

А ШАР БЫЛ... Есть в юбилеях, на глазах оживляющих прошлое, свой чудесный момент истины, сообщающий любому стороннему чуток гордости за причастность к великой человеческой истории. 21 ноября 1783 года Пилатр де Розье и Марк д'Арланд погрузились в гондолу заполненного дымом от влажной соломы шара, поднялись над Парижем и через 25 минут и 12 километров опустились около ветряной мельницы. То был первый полет подобного шара в истории... Ровно через 200 лет, соорудив такой же шар, раздобыв старинную одежду и — что было сложнее — разрешение от властей, Клод Лабур и Винсент Дюпуа точно так же воспарили над Парижем и через 45 минут приземлились в 18 километрах от площади академии Сен-Сир... Только-то и всего. Но это почти как в песне: а шар был... монгольфьер.

ПЛЮС ПОДХОДЯЩИЙ ВЕТЕРОК. Знатоки легкой атлетики скажут, посмотрев на снимок: «Этот перепрыгнет!» Надо думать, среди лежащих в этом ряду последними — все знатоки. Впрочем, кто не слышал имени Карла Льюиса, завоевавшего на мировом чемпионате по легкой атлетике три золотые медали: в коротком спринте, эстафете и прыжках в длину. Сын тренера, Карлтон Фредерик Льюис познакомился с прыжковой ямой как с песочницей, а в 7 лет уже твердо решил стать суперпрыгуном. Даже забросил для этого школьный оркестр, где играл на виолончели. Все спрашивают: когда Льюис побьет «рекорд века» Боба Бимона — 8 метров 90 сантиметров! Как истый чемпион, Карл не робеет, оценивая свои возможности, тем более что основания для такой смелости у него есть: однажды на тренировке он уже улетел на 9 метров. Но с заступом. «В следующий раз надену тапочки на номер меньше»,— в сердцах отшутился он тогда. А рекорд он все же побьет, «если будет солнце и подходящий ветерок».

СОН В РИТМЕ РОК. «Государь, Вся эта пьеса — в десять слов длиной; Короче пьесы нет, насколько помню; Но лишние все эти десять слов — Вот чем она длинна». Это из шекспировской комедии «Сон в летнюю ночь», по которой режиссер Габриэле Сальваторе снимает первый в Италии фильм-рок. Вместо древних Афин и волшебного леса, царя фей и эльфов Оберона и царицы Титании на экране мрачный, но завораживающий мир современного города, мир его ритмов. «Ночью,— объясняет музыкальную драматургию картины композитор Мауро Паганини,— в душах его обитателей просыпаются древние, первобытные ритмы, днем же их не слышно, их вытесняет привычная музыка радио и магнитофонов». Аналогично строится и драматургия всей ленты: мелодрама с непременной для шекспировских комедий путаницей ситуаций, в которые попадают милые, добродетельные и чуть жеманные влюбленные, и — буйные страсти ночного города-шабаша, города-чудовища. «Я бы не назвала наш фильм мюзиклом,— говорит исполнительница роли Титании Джанна Наннини.— От этого слова попахивает Голливудом. Это и не рок-опера в чистом виде. Скорее что-то вроде видеомузыки, что-то, чему пока не придумали названия».

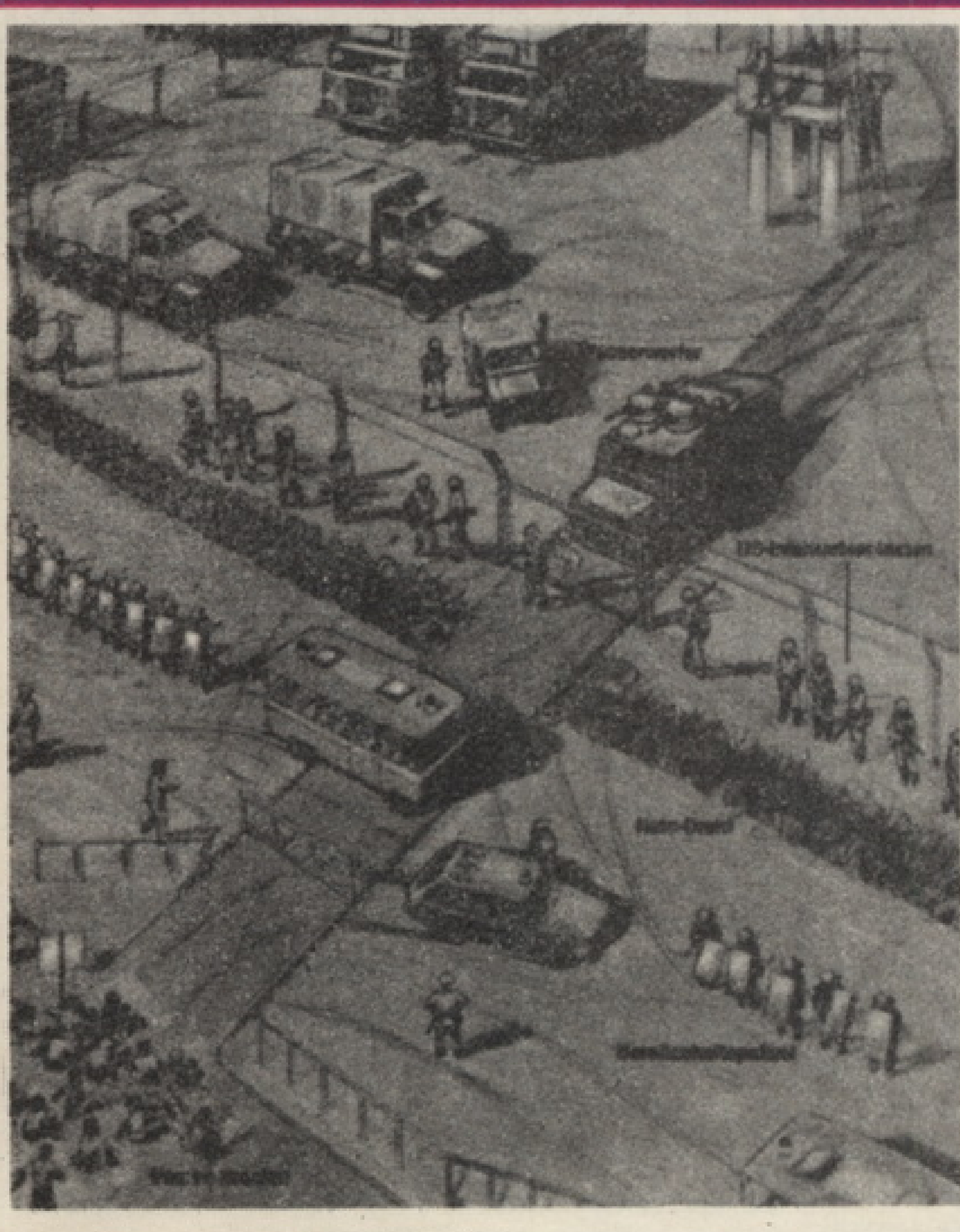
И ВСЕ СЧАСТЛИВЫ. Американский журнал «Лайф» пишет, что не везде в Европе можно открыто торговать нацистской параферналией, то есть атрибутами нацизма. Зато в Соединенных Штатах можно. Именно в Америке, когда-то сражавшейся с фашизмом, действует самый большой рынок гитлеровских древностей — знамен, эмблем, значков, автографов, ножей, украшений и прочих побрякушек. Именно в Америке для их любителей выходит газета «Гауляйтор». И наконец, именно американский «Лайф» рекламирует с таким задором предметы, как он пишет, «эксцентричной власти нацистов»... Чикагский доктор Рональд Дистельхорст, сообщает журнал, «никогда не чувствует себя счастливее, чем в те моменты, когда в одиночестве или с друзьями сидит в своем бункере, слушает фашистские гимны и перебирает последние приобретения». Его сын Дитер не менее счастлив от своей коллекции фашистских игрушек. Нажмешь на кнопку, и кукла-штурмовик выбрасывает руку: «Хайль Гитлер!..» Все счастливы: и папа в бункере, и сын со штурмовичком, и «Лайф», живописующий мир фашистских увлечений,— ну разве эти картинки не атрибуты современной Америки!! Параферналия то есть.

ЧТО ТАМ, В МУТНОЙ ВОДЕ! Так они и плавают вместе на ферме имени св. Августина, штат Флорида, США: представители «аллигатор миссисипиенсис» в количестве 150 экземпляров и «гомо сапиенс» в единственном числе, откликающийся на имя Кент Влиет. Сжимая в руках кипарисовый шест и в зубах резиновый загубник от дыхательной трубки, молодой зоолог собирает в мутной воде материал для диссертации на тему «Любовные игры крокодилов». Любовь, как известно, зла, и, по всей видимости, крокодилы могли б немало на этот счет добавить, но, как обнаружил Кент, «если двигаться осторожно и особо из воды не высовываться, к крокодилам можно подплыть аж на полтора метра. Под водой они видят плохо». За три года ныряний Кент сумел отобрать и изучить в деталях 40 «поведенческих особенностей», характерных для влюбленного крокодила. Пока что ему везло, каких-то «поведенческих особенностей» по отношению к третьему лишнему он не наблюдал.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕЛЕФОН. «Митинги против войны, безработицы, выступления перед рабочей молодежью — все это важно не только для тех, кого мы поддерживаем своими концертами, но и для нас самих: мы ощущаем себя частицей мощного молодежного движения и выражаем в музыке его требования»,— сказал в интервью газете французских комсомольцев «Авангард» гитарист ансамбля «Телефон» Жан-Луи Обер. Французы считают «Телефон» ансамблем номер один, четыре долгоиграющие пластинки стали во Франции «золотыми». В чем же причина такой популярности? «В рок-музыке мелодия и ритм еще не все, нужно, чтобы тебя понимали,— говорит Обер.— Наши концерты, они и для общения, для того, чтобы думать о своих проблемах, узнавать, что мы думаем о них. У нас долго кричали «Даешь французскую рок-музыку!», но какой может быть французский рок без французского текста? И какой может быть французский текст без французских проблем?»

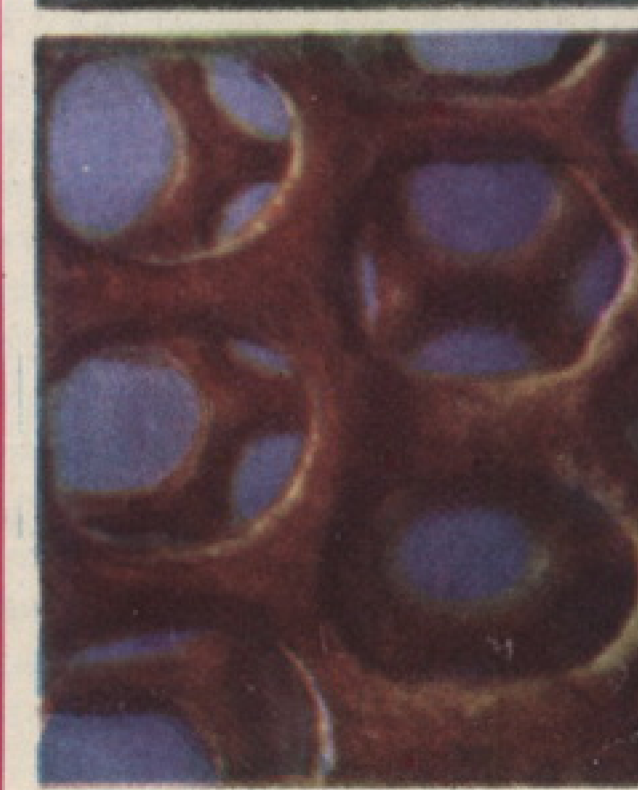

ПЕЙЗАЖ ПЕРЕД БИТВОЙ. Вот так примерно должна выглядеть «группа встречающих» демонстрации протеста против размещения американских «Першингов-II» в Мутлангене (ФРГ). Тут пешие полицейские, там на «джипах», тут водомет, там собачки, тут американская военная полиция, ну а там демонстранты... Трудности по ходу планирования операции возникали, сообщает журнал «Штерн», но преодолевались. Так, у местной полиции были трудности психологические: прежде она знала американских солдат как потребителей и распространителей наркотиков и как пьяных дебоширов; теперь же они оказались опорой и надеждой всей западной цивилизации. Были сложности и у американской стороны: так, майору, офицеру по связям с общественностью, предложили было переговорить с этой самой возмущенной общественностью. «Всякие беседы бесполезны»,— твердо сказал майор, будучи уверенным, что связи, предусмотренные схемой, самые эффективные. И он прав, этот майор, поскольку связываться с общественностью страны, где 75 процентов высказались против новых ракет, ему нет никакого резона.

ВЗЯВ В СОЮЗНИКИ ВЕТЕР... французский океанограф и эколог Жак-Ив Кусто построил новое судно «Ветряная мельница». Его главная особенность видна с первого взгляда — 13-метровая труба, засасывающая воздух. При скорости ветра в 24 узла такое беспарусное и безмоторное — в привычном понимании — судно грузоподъемностью 800 тонн должно по расчетам делать 15 узлов в час. Цель изобретения Кусто — экологическая чистота, столь необходимая для проведения работ в океане.

...И ВОДУ. Эффективный и относительно дешевый, по словам автора, метод подводного строительства разработан западногерманским архитектором Вольфом Хильбертцем. Едва ли не все необходимые материалы для строительства под водой содержит, считает он, само море. Под воду опускают металлический каркас нужной формы и подводят к нему электрический ток. Минералы, растворенные в воде, под действием электричества нарастают на решетке каркаса и вскоре покрывают его целиком. Метод Хильбертца, сообщает итальянский еженедельник «Эуропео», уже успешно применен при строительстве парка для подводных видов спорта на Каймановых островах и мола в Мексиканском заливе.

В чем секрет ее необыкновенной популярности? В ослепительной красоте и очаровательной улыбке? Отчасти, конечно, и в этом. Но сколько экранных красавиц пережили свою славу, а Кардинале неизменно окружена любовью зрителей. Главное, наверное,— в неиссякаемом трудолюбии, магической силе перевоплощения, в социальной точности ее образов, кого бы она ни играла, будь то молодая цыганка из фильма «Девушка с чемоданом», мещаночка Джинетта из картины «Рокко и его братья», жена рабочего в «Судье», крестьянская девушка в «Невесте Бубе» (все эти фильмы демонстрировались на наших экранах), медсестра в совместном советско-итальянском фильме «Красная палатка». И еще один признак настоящей актрисы: она не боится показаться на экране некрасивой, немолодой, даже, если надо, отталкивающей. Во время XIII Московского международного фестиваля советские зрители снова встретились с этой замечательной актрисой в нескольких внеконкурсных фильмах.

Н. ЦЫРКУН,
киновед

„КАК Я БЫЛА ЗВЕЗДОЙ"

Лодовико Рипа ди МЕАНА,
итальянский журналист

— Клаудиа, как ты попала в кино? Ведь твоя замкнутость, нелюбовь к рекламе, весь твой характер враждебен шоу-бизнесу. Может, потому, что ты обладаешь очень редким природным даром — красотой?

— Мои родители — сицилийцы. Из провинции Трапани. Эмигрировали в Африку, в Тунис. Сицилийцы, понимаешь? Отец, чтобы я не строила никаких иллюзий о своей внешности, всегда говорил мне: «Жирафа с глазами, как капуста. А губа висит, как шевелюра у французского полицейского». Я и не строила, считала себя монстром. Дралась с мальчишками, была подозрительной, дикой. Никогда не улыбалась, ни с кем не разговаривала.

Нас было четверо детей (я старшая), и все мы получили строгое воспитание, на старый манер. Мой отец, инженер в одной транспортной компании, был очень суровым человеком. Особенно он был строг к девочкам, настоящий сицилиец. Мой отец очень нелюдим. Характером я в него...

— Но как же тебе удалось стать кинодивой?

— Началось все случайно. Моя мать работала в комитете по организации какого-то торжества с благотворительными целями. Мы с сестрой Бланкой помогали ей продавать билеты. После аукциона должны были избрать самую красивую итальянку Туниса, это был не конкурс красоты, скорее семейный праздник. Я стояла среди публики, ждавшей объявления результатов, когда вдруг кто-то крепко схватил меня за руку и поволок к трибуне. Мне надели на шею трехцветную ленту, как итальянский флаг, а публика принялась кричать: «Да здравствует наша тунисская Брижитт Бардо!» — тогда всех сравнивали с ней.

Отец ужасно рассердился, а мать была страшно довольна. Я чувствовала себя не в своей тарелке, мне было стыдно. Гости, торжества... Представители кинокомпании «Униталия» наградили меня путевкой на Венецианский фестиваль!

— И ты подумала, что можешь стать звездочкой?

— Да нет! Мне все это казалось игрой, но я была очень рада поездке на фестиваль.

В Венецию меня сопровождала мама: я была еще несовершеннолетней. Я была очень странно одета: бурнус, кофта и цветастые арабские шаровары, мы в Тунисе всегда так ходили, а для фотографов в Лидо — целое событие. Они просто расстреливали меня. Я пыталась объяснить: «Вы ошибаетесь,— говорила я,— я ничего из себя не представляю, я здесь по премиальной путевке. Вы зря теряете время». Но ра-

ботавший в «Униталии» Сальваторе Ардженто сказал: «Продолжайте снимать... Кто знает...»

Через неделю я возвратилась в Тунис. Для меня приключение закончилось, но представители «Униталии» прислали приглашение поступать в Экспериментальный центр по подготовке работников кино в Риме. Вначале я хотела отказаться, потом, устав от маминой настойчивости, согласилась сдавать вступительные экзамены. Я была уверена, что все равно провалюсь.

— Ты подготовилась к экзаменам? Старалась произвести хорошее впечатление?

— Я отказалась выполнить задание экзаменационной комиссии и ушла, хлопнув дверью. И все же меня приняли! Я тогда не знала, что если кто-то все время твердит «нет», то это вначале сбивает людей с толку, а потом они решают настоять на своем. И я, не отдавая себе в том отчета, со своими вечными отказами, шла навстречу своей судьбе.

— Но если ты никогда не думала о том, чтобы стать актрисой, как же тебе удалось преодолеть ту стену робости, застенчивости, которая отделяет жизнь обычных людей от актерской, от жизни на виду?

— Из всех студентов я была самой неспособной. К тому же чудовищные трудности с языком, так как я говорила только на французском, и, кроме того, для меня было пыткой даже пройтись по сцене, когда все на меня смотрят. Другие были раскованные, подготовленные. Многие из них уже учились в Академии драматического искусства. Однако, несмотря на мой страх перед зрителями, на всяческие увиливания от присутствия на официальных церемониях, директор всегда выбирал меня для представления нашего курса. Он говорил, что я фотогенична. Какой-то кошмар... Я жила в Монтеродондо, у сестры матери и, чтобы вовремя приехать в киногород, вставала за полночь. На дорогу электричкой, а затем автобусом уходило почти два часа. Началась зима. У меня не было теплых вещей. Я тосковала по теплу, по морю, солнцу... особенно — по тишине. Италия мне казалась страной, где слишком много говорят и слишком громко. Я хотела жить в какой-нибудь деревушке в Сахаре, быть учительницей...

Нет, мне не нравился Рим, я не чувствовала, что «вошла» в него, у меня не было друзей. Но, к счастью, этот первый римский эксперимент был кратковременным. Я слегла с ужасным гриппом, и мать увезла меня в Тунис.

— Ты решила, что с кино покончено навсегда?

— За те недолгие месяцы, что я провела в Центре, поток предложений от продюсеров не иссякал. Среди них самым настойчивым был Франко Кристальди, который хотел заполучить меня для «конюшни» кинокомпании «Видес». Однажды меня все же привезли в их студию. Там моя природная подозрительность еще более окрепла. Сначала я долго ждала, потом появился какой-то невзрачный человек и сразу начал нападать: «Фу, как ты одета!» Меня повели через какие-то офисы, в которых было полно служащих, секретарш, телефонов, и наконец поставили перед письменным столом Кристальди. Кристальди сунул мне контракт, длинный, как телефонная книга. Я прочитала все от строчки до строчки и сказала: «Предупреждаю, что волосы я стричь не стану, а своего имени никогда не изменю». Он окаменел. Они не могли предвидеть, что для меня Кристальди, сама «Видес» и вообще кино тогда ровным счетом ничего не значили. Мне не хотелось ни улыбаться, ни вести переговоры. Я просто ушла.

«Девушка с чемоданом».

Потом, когда муж оставил меня с ребенком и мне надо было учиться жить самостоятельно, чтобы не быть никому обязанной, я вернулась в Рим. Пришла к Кристальди и подписала акт безоговорочной капитуляции. Тут же приступили к съемкам фильма «Обычные незнакомцы» режиссера Марио Моничелли. Фильм имел огромный успех, и обо мне заговорили как о человеке, который может пробить дорогу в кино, как это прежде сделали Лоллобриджида, Лорен, Мангано. «Видес» решила поставить на меня. Определили бюджет для создания из меня кинодивы, организовали рекламную кампанию на американский манер. Мой контракт предусматривал еще один категорический пункт: я ничего не должна была говорить о своем сыне. Я приняла это условие, другого выхода не было. Втянулась в работу: четыре фильма в год. С Луиджи Дзампа, Пьетро Джерми, Нанни Лоем, Мауро Болоньини, Абелем Гансом, Лукино Висконти и многими, многими другими режиссерами. Родители переехали в Рим, мой сын Патрик жил вместе с ними. В первые годы его жизни я была для него матерью в значительно меньшей степени, чем мне бы хотелось. Это были трудные годы. Меня все больше затягивало в зубчатые колеса киномашины.

— Ты говоришь, это были мрачные годы. Но хотя бы один момент, хотя бы мгновения радости бывали?

— Да. Перед съемочной камерой. Это ремесло, к которому я пришла случайно, постепенно проникло в меня, захватило. Оно позволяло мне выразить все, что я не умела выразить в настоящей жизни: мои мучения, мое одиночество. Я вытаскивала наружу все то, что было спрятано в глубине моих персонажей, и этот тяжкий труд помогал мне осознать собственные проблемы.

Я думала, что никак не создана для того, чтобы плакать или смеяться по команде. Вначале у меня не было никакого опыта, никакой техники. Я играла интуитивно. Я не учила наизусть роль, не делала проб, чтобы не лишиться того эмоционального напряжения, которое рождалось от шороха съемочной камеры.

— Ты уверена, что подчинение инстинкту — это хороший метод, помогающий стать настоящим артистом?

— Об этом судить другим. Я лишь знаю, что, подчиняясь инстинкту, мне удалось воплотить на экране одну из наиболее сложных ролей в моей кинематографической карьере: роль Аиды в «Девушке с чемоданом» Валерио Дзурлини. Это было в 1960 году. Мне

предстояло снять очень трудную сцену с Джаном Мариа Волонте; он вдруг узнает о том, что у Аиды есть сын: это была ее тайна. Мы снимали эту сцену на вокзале в Болонье, прибывали и отправлялись поезда, мешала толпа, все время стоял гул. Группа никак не могла сконцентрироваться. Дзурлини был в отчаянии. Для меня же все было просто, как никогда. Я сумела и плакать, и смеяться, и есть макароны, как того требовал сценарий. В роли Аиды в тот момент я раскрывала собственную жизнь; это было что-то вроде публичного заявления, хотя и под защитным покрывалом образа моей героини. Я целиком вошла в роль Аиды. После завершения съемок я две недели не могла никого видеть.

— Клаудиа, что такое, по твоему мнению, кинозвезда?

— Представь себе искусственный мир, где все подбито ватой, смягчено, отфильтровано. В центре его находится человек. Это актер или актриса, которых решили превратить в диву, кинозвезду. Где-то в стороне течет реальная жизнь: политика, социальные проблемы, идеалы, прогресс, варварство, добро, зло. А в киномирке все сверхорганизовано. Собеседники, которые за пределами этого мирка могут быть настоящими людьми, внутри его выполняют строгие функции; от продюсера до шофера, не говоря уже об агентах, секретарях, представителях отдела печати,— все работают на успешное завершение проводимой в данный момент операции. И чем быстрее совершается операция, тем быстрее окупается капитал, вложенный в звезду. В «конюшне» фирмы «Видес» я была фаворитом. Они многим рисковали, ставя на меня, и я их не разочаровала.

— Какова жизнь звезды?

— Если не было съемок, мой день начинался в девять утра: в этот час прибывали шофер и секретарша. Всегда один и тот же список дел: парикмахер, массажистка, спортзал, уроки дикции и языка. Позже приезжали пресс-агенты. Они составляли программу интервью, которые я должна дать, а также обсуждали мои позы на фотографиях. Затем наступало время для чтения сценария. Мне давали минисхемы, составленные в общих чертах: я никогда точно не знала, какие фильмы мне предстоит делать и с какими режиссерами.

Каким бы ни было мое душевное или физическое состояние, никто никогда не должен был видеть меня с кислой физиономией Даже мои наряды, когда и какой я должна надевать, определяли мои работодатели. Когда же я снималась, то, как только заканчивалась сцена, я попадала под контроль представителей «Видес». Никаких хождений по студии, никакой болтовни с труппой, с коллегами.

Вечерами мне приходилось тащить на себе груз «светских развлечений». О, эти вечера с участием знаменитостей, когда лишь от случая к случаю мне удавалось прервать мертвую скуку заученных улыбок, прервать убогость заранее заготовленных фраз или же просто разделить с кем-нибудь собственное молчание!

— И ты никогда не протестовала?

— Меня все ужасно раздражало, но я была очень дисциплинированной. В ту пору им удалось убедить меня, что ради своего ремесла я должна поступать именно так. Я не капризничала. Никогда. У меня не было ни одного друга, с которым можно было бы просто поговорить, просто назначить свидание. Вся моя жизнь была под контролем бдительных стражей. Я не протестовала. Должна признаться, что так было даже удобнее, я пряталась от действительности...

«Невеста Бубе».

Когда я вспоминаю те годы, мне кажется, что время тогда для меня остановилось. Постепенно я потеряла все связи с той тунисской девушкой, которая когда-то сбежала из Рима. Я попала в окружение людей с богатым жизненным опытом, они были значительно хитрее меня, они превращали эту дикую и легкоранимую девушку в работоспособную диву. В конце концов, моя личность атрофировалась. Я утратила себя.

И вот девочка из Туниса уже готова к своему посвящению в Голливуд. Сколько же дорог прошла Клаудиа всего лишь за три года! Чтобы идти так быстро, ей приходилось принимать правила игры сколь доходной, столь и безжалостной. Это диковатое создание позволило запереть себя в позолоченную клетку, отныне она — на искусственном питании: кондиционированный воздух, неоновый свет, изысканные кушанья, деловая дружба, рекламная любовь. Она подписала договор, который не давал послаблений. Нельзя сделать паузу, передохнуть. Можно двигаться лишь вперед либо быть выброшенной.

— Как тебя встретили в Голливуде?

— Собрался весь штат компании «Юниверсал», которая ангажировала меня для съемок фильма «Блайндфолд». Они внимательно осмотрели меня с ног до головы. «У нее куча дефектов» — такова была первая реакция. И затем последовал приговор: «Этой девице нужно похудеть». Талия — идефикс всех американцев. Следовательно: гимнастика, диета, витамины. Меня поручили заботам гигантской дамы, весящей килограммов сто пятьдесят, американки до мозга костей; она одевалась на таитянский лад, с гирляндами цветов на шее. Она вынесла вердикт: я была слишком «средиземноморской», а посему мне нужно было прежде всего сделать более стройными ноги. Меня посадили на яблочное пюре и воду, а затем позволили съедать один помидор в день. Мастодонтша пояснила, что воздержание от пищи — благо для всякой дивы. Я сильно похудела, но ночью меня постоянно терзали кошмары: я видела мою мучительницу, которая втыкала вилку в огромный, сочный, дымящийся кусок мяса.

После этого меня передали в руки знаменитого Жана Луиса, портного, который одевал всех звезд. Он разработал для меня целую серию ужасных костюмов. Луис прекрасный, очаровательный человек, но ему не удалось «поймать» мой тип. Перед тем как надеть костюм, актриса должна надеть прозрачное трико, вторую невидимую кожу, которая напрочь лишает тебя жизни. На голову мне напялили парик, покрытый лаком: будто прямо из мьюзикла! Я почувствовала, что не могу сделать ни шагу. Спасло меня только чувство юмора... В Америке я сделала восемь фильмов, и компания «Юниверсал» предложила подписать контракт, по которому мне предстояло пробыть в Голливуде долгие годы. С точки зрения тех привычек, которые я уже приобрела, я могла бы принять их условия, так как повсюду — в Лос-Анджелесе, Лондоне, Риме — правила системы кинозвезд одни и те же. Но оставаться в Голливуде означало утратить мою «итальянскую» личность, которую я с таким трудом приобрела. Поэтому я отказалась.

— Был ли у тебя такой момент, когда ты чувствовала себя на вершине

успеха, когда закружилась голова?

— Это был 1962 год, год радости, сознания важности и, если можно так сказать, всемогущества, которое может дать мое ремесло. В тот год Лукино Висконти и Федерико Феллини, два самых знаменитых в мире режиссера, одновременно подписали со мной контракты: один на участие в фильме «Леопард», другой — в «Восемь с половиной».

Я уже была довольно известной актрисой, удостоилась высокой чести: меня похвалил Пьеро Паоло Пазолини. Но тот факт, что эти двое великих хотели меня заполучить и отстаивали свои права, превосходил любые фантазии, которые могли прийти мне в голову.

Съемки обоих фильмов проходили одновременно: у героини «Леопарда» — черные волосы, а у Клаудии из «Восьми с половиной» — рыжие. Никто не хотел уступать. «У Феллини наденешь парик»,— безапелляционно заявил Висконти. «С этими замысловатыми прическами девятнадцатого века, настоящие или накладные волосы,— не играет никакой роли. Можешь надевать парик для Лукино, все обойдется превосходно!» — это говорил Феллини. Так, на протяжении долгих месяцев три дня в неделю я красила волосы в черный цвет, а следующие три дня — в рыжий. Я была настолько счастлива, что мысль о том, что мне придется за это заплатить волосами, вовсе меня не волновала.

— Как ты работала с этими режиссерами?

— Феллини приезжал ко мне, мы с ним гуляли, и он рассказывал идею своего фильма. Затем он заставлял говорить меня, говорить по нескольку часов подряд. У фильма не было сценария, и он разрабатывал его именно таким способом. Мне кажется, что он использовал тот же метод с Марчелло Мастроянни и с другими актерами. Таким образом, когда мы оказывались перед съемочной камерой, каждый из нас опьянялся иллюзией своего собственного творчества, иллюзией свободной импровизации. Мы и не подозревали, что этот гений и лицедей заставлял нас импровизировать только то, что ему было нужно.

— А Висконти?

— С ним было все наоборот. Все заранее сконструировано, рассчитано. Короче говоря, все театрально. Часами репетиции за столом, затем приезжали операторы, осветители. Все сцены уже существовали в идеальной разработке, даже если еще не были найдены деньги для производства фильма и даже не подобраны актеры.

— Чему тебя научило кино?

— Работать в кино я начала, когда мне было девятнадцать. За двадцать пять лет своей карьеры я снялась более чем в семидесяти фильмах, работала почти с пятьюдесятью режиссерами. Конечно, я счастлива, мне часто приходилось сниматься у великих мастеров кинематографа. Но нужно сказать, что даже и от «середнячков» я кое-чему научилась. Я занималась и продолжаю заниматься своим ремеслом с такой страстью, что в результате взамен получила вовсе мне не свойственную добродетель: смирение. Съемочная площадка стала моей школой. Я научилась понимать и наблюдать. А когда ты умеешь это, ты умеешь улучшать.

— Ты стала идолом, который обожают миллионы зрителей. Повлияло ли это на твою личность?

«Судья».

— Вряд ли, я всегда смотрела на свой успех издалека и всегда была начеку, стараясь подходить к нему с юмором. Но однажды в Бразилии, в Рио-де-Жанейро, успех чуть не стоил мне жизни. Мы снимали там фильм. Я отправилась вместе со съемочной группой на стадион «Маракана», чтобы посмотреть футбол. Пеле, которому было известно, что я присутствую на трибуне, забил гол и посвятил его мне. Об этой чести было сообщено через громкоговорители. Тут настал конец света: чтобы спастись, я закрылась в лифте. Сидела целых три часа.

Но настоящий ужас мне пришлось пережить в солярии отеля на Копакабане. По сценарию требовалось, чтобы моя героиня была очень смуглой. Мне приходилось ежедневно загорать на террасе тридцатого этажа, предварительно попросив администрацию закрывать меня на ключ снаружи. Я хотела избавиться от охотников за автографами, любопытных, просто нахалов. Однажды в небе появился вертолет и стал медленно опускаться прямо на меня, почти что касаясь пола. Охваченная паникой, как мышь в мышеловке, я начала бегать взад-вперед, чтобы мне не срезало голову лопастями, не изуродовало колесами, вообще не снесло вихрем: на террасе не было перил. Я уже хотела спрыгнуть вниз, на балкон, но вертолет медленно взлетел и исчез.

— Что было потом?

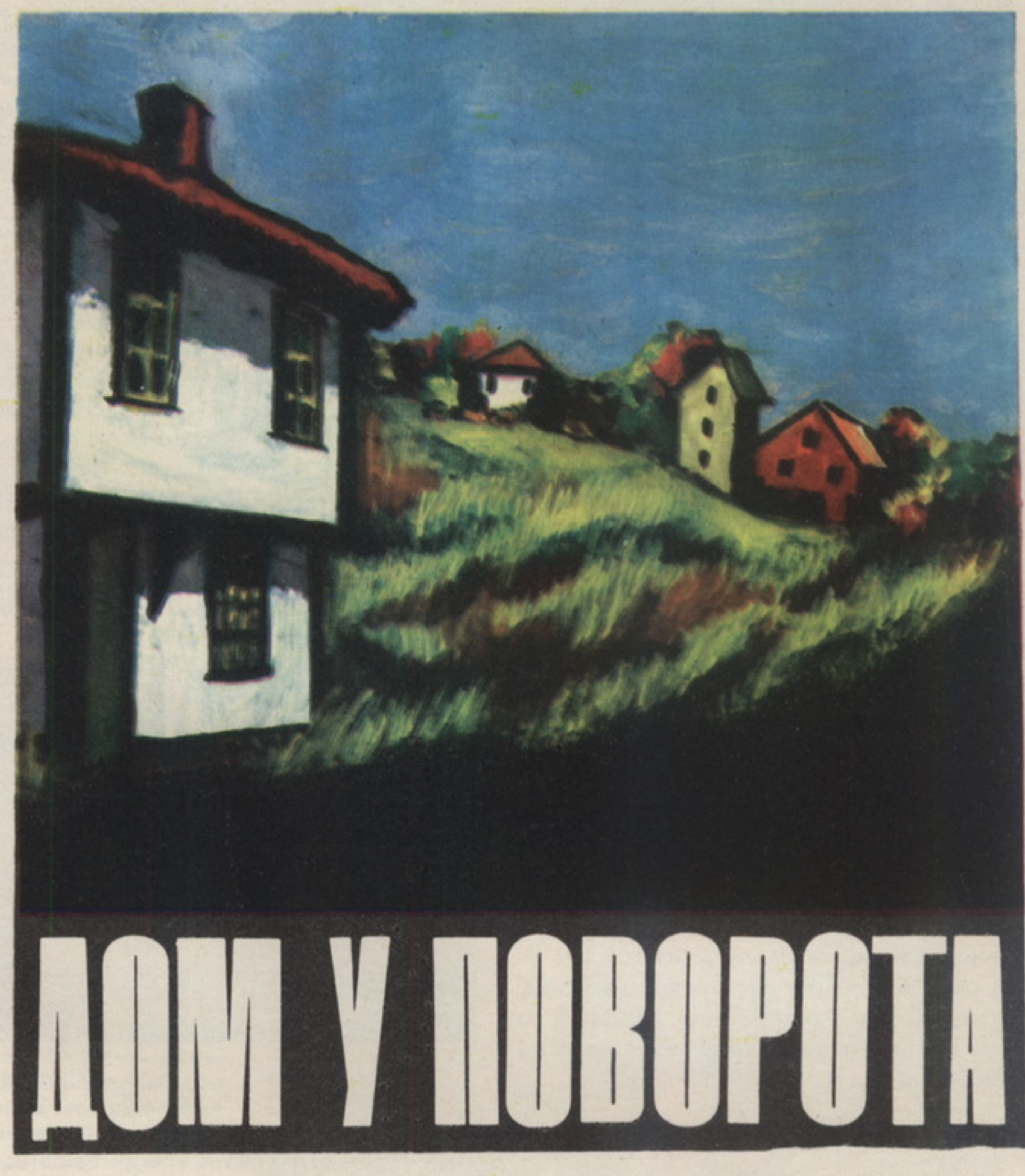
— Я чувствовала, что задыхаюсь от такой жизни, которая вовсе и не жизнь. Фильмы, которые для меня выбирали, стали мне надоедать. И, кроме того, я начала полнеть. Я ничего не ела, а все равно полнела — признак депрессии. Я чувствовала себя в западне и хотела из нее вырваться. И пришло спасение.

Это произошло в 1973 году. Я должна была сниматься вместе с Паскуале Скитиери в фильме, который ставила компания «Документальный фильм» по его сценарию. Я его раньше не встречала. Он оказался очень неприятным, резким человеком. Я сказала себе: «Этот из тех, кто не притворяется». Мы приехали в Неаполь. Но съемки не начинались: у продюсера были разногласия со сценаристом, труппа нервничала, кто-то даже уже хотел уехать домой. И мне вдруг захотелось поддержать Паскуале. Я, кинозвезда, которая никогда не участвовала во внутренней жизни съемочной группы, начала оставаться на площадке, участвовать в обсуждении (а Паскуале этого даже не замечал, он меня и не поблагодарил!). И вдруг я поняла, как много прежде упускала: мне понравилось быть вместе с группой, жить внутренней жизнью фильма. Когда бдительные стражи призывали меня к порядку, я лишь смеялась в ответ. Остались где-то секретарши, представители отдела печати, шоферы. Какое мне дело до этой системы кинозвезд! Я была влюблена в Паскуале. И благодаря ему я вдруг неожиданно снова стала той девушкой из Туниса, с присущей ей энергией, глупостями и энтузиазмом, как будто годы, проведенные в позолоченной клетке, никогда не существовали. Я стала матерью во второй раз, и одновременно я стала бабушкой, у моего сына родилась дочь. И я поняла с радостью: мне не нужно скрывать, что я бабушка. Этим надо гордиться. Все изменилось. Я стала понимать, что происходит в мире, не в киномире, в котором жила я. Я поняла: кино — это сон, нужно быть очень сильной, чтобы заниматься этим ремеслом.

Жизнь актрисы может стать кошмаром, если не научиться отличать сон от действительности. И если не уметь жить истинной и мужественной жизнью нормальных людей, разочарование становится невыносимым, и человека вычеркивают...

Перевел с итальянского
Л. КАНЕВСКИЙ

Поворот внезапен и резок, словно выставленный вперед острый локоть. Шоферы, не в первый раз проезжающие здесь, хорошо помнят его и загодя бросают недокуренные сигареты, чтобы обе руки были свободны для баранки. По ночам свет от фар встречных грузовиков скрещивается, сливается в двоящееся пятно, пятно растет, становится все ярче, и, наконец, слепящая, ревущая лавина обрушивается на дом. Дом построен у самого поворота, и даже в темноте можно заметить, какой он ухоженный и красивый. Двор так густо зарос зеленью, что сетчатая ограда напоминает проволочную корзину, прогнувшуюся под тяжестью плодов и цветов.

ДОМ У ПОВОРОТА

Рис. И. НЕЖДАНОВОЙ

Рассказ

Лиляна МИХАЙЛОВА,
болгарская писательница

Много лет назад приехал в село новый врач, худенький чернобровый парнишка. Он очень удивился, узнав, что, кроме ключей от кабинета, ему полагается еще и этот участок у поворота. До него один за другим уехали четыре врача, и, стремясь хоть как-то удержать нового, село подарило ему самое дорогое — землю.

Наутро, встречая на станции жену, он обо всем забыл и рассказал ей об участке только спустя несколько дней. Молодые поселились в комнатушке, надстроенной над пекарней, жар хлебной печи нагревал доски пола, и летом, наверное, здесь будет невыносимо душно, но они не заглядывали так далеко в будущее. Просто радовались, что не приходится топить, ходили дома в одинаковых джинсах и с первой зарплаты купили шумный белый радиоприемник на подставке. К участку оба отнеслись иронически. Она, умевшая первой подмечать смешное, называла мужа фермером, и они смеялись, глядя друг на дружку, похожие на тонких голенастых подростков.

Иногда его вызывали и ночью. Не зажигая лампы, он ощупью находил одежду и, прежде чем выйти, легко касался губами ее волос. Но она уже не спала. У нее уже появилось то странное предчувствие, свойственное женам врачей, когда независимо от течения мыслей они улавливают, как сквозь снег и темноту приближается к их дверям безоглядная тревога, готовая отчаянно стучать и трезвонить. Чтобы не казаться себе совсем одинокой в такие ночи, она пометила химическим карандашом на шкале приемника радиостанцию, передававшую музыкальные программы до самого утра. Она никогда не спрашивала, зачем его вызывали, только молча прижимала к себе промерзшего, еще пропитанного запахом чужого, незнакомого дома. И наверное, именно эти минуты сближали их сильнее всего.

По вторникам и четвергам она выдавала книги. В маленькой библиотеке недоставало самых популярных романов, и по времени их исчезновения можно было судить о вкусах прежних учителей и агрономов. Чаще других сюда заглядывали дети, они говорили тихо, в снегопад прятали книжки под пальто, расписывались на карточках крупно и отчетливо.

Она полюбила свои шесть часов работы и каждый вторник и четверг вечером торопилась в библиотеку, стискивая в кармане гладкий ключ. Там, когда не было читателей, она писала письма за столом, покрытым коричневым картоном. Сначала ей отвечали, но постепенно подружки замолкли, и она продолжала переписку только с матерью и Сабиной.

С Сабиной она не дружила. Они учились вместе в институте, и Сабина всегда казалась ей какой-то неестественно веселой и легкомысленной. Она и написала-то Сабине только потому, что обещала писать всем сокурсницам. Сабина откликнулась длинным письмом, описывала Пловдив, институт — все в своей манере, будто вокруг нее, не смолкая, звенит смех. Постепенно жена врача привыкла к ее письмам, ждала их и даже иногда упрекала себя за прежнее мнение о ней... Только Сабине и матери она написала об участке, которого ни она, ни муж еще не видели. Она писала им обеим часто и почти одинаковые письма — в селе не нашлось для нее приятельницы, а хотелось с кем-то поболтать, кому-то рассказывать о своей жизни.

Через год, весной, молодые наконец-то выбрались посмотреть участок. Было воскресенье, и они взяли с собой маленькую дочку.

Девочка едва умела ходить, они шли медленно, держа ее за руки. Крестьяне здоровались с ними у ворот своих домов, искренние улыбки долго не сходили с крупных лиц. Прежние врачи по праздникам отправлялись в город, задерживались там, и село жило в напряженном ожидании, охваченное смутной общей тревогой, особенно остро ощущая свою уязвимость и беспомощность. Потому и улыбались теперь крестьяне и радовались маленькой девочке, родившейся здесь и могущей, как им казалось, словно крепкий корешок, удержать на этой земле и врача, и его молчаливую красавицу жену.

Участок тонул в зарослях низкорос-

лого пырея. Никто не осмеливался пригонять сюда овец.

— Теннисный корт! — рассмеялась женщина.— Только яблоню выкорчевать...

Мимо проносились машины. «Летом здесь, наверное, пылища»,— невольно подумал врач, а впрочем, что ему до этого.

— Хочешь, посадим черную смородину?

— Зачем? — удивилась она. Ей, родившейся в Пловдиве, этот кусок земли, отмежеванный колышками, ничего не говорил.

— Действительно, — согласился он.— Все равно уедем на будущий год.

Лишь много месяцев спустя, в осенний вечер, врач впервые почувствовал участок своим. Он увидел, как двое парней в мотоциклетных шлемах трясут яблоню. Он закричал и побежал к ним. Потом, спрашивая себя, зачем он это сделал, пытался вспомнить, что же все-таки кричал. Яблоня была дикая, с кислыми мелкими плодами. Парни поспешно завели мотоцикл, он не стал их догонять, хотя мог бы, остановился среди пырея, запыхавшийся, изумляясь самому себе.

По дороге обратно в село он чувствовал себя неловко, ему было грустно. Он еще не понимал, что именно сегодня, в эти синие осенние сумерки, зародилось в нем ощущение человека, у которого есть своя земля.

— Я огородил участок,— сказал он, когда жена вернулась из города.— Купил металлическую сетку, подержанную.

Она не ответила. Посмотрела на него через стол и вдруг увидела, что ямочка на его подбородке словно углубилась.

Врач строил дом не торопясь. В студенческие годы он сменил много квартир и, снимая комнаты в старинных пловдивских особняках, подмечал все, что доставляет удобства, облегчает жизнь горожанам: внутренние лестницы с витыми перилами, кафельные печи с топкой, выведенной в коридор. Ему запомнились еще ванна и звездчатый паркет в одном богатом доме. В прихожей хозяйка выставляла шлепанцы, сшитые из старых меховых шапок, и, прежде чем войти, квартиранты должны были натянуть их поверх собственной обуви: паркет и берегли и натирали одновременно.

Вначале врач удивлялся, как быстро и легко находятся материалы для постройки. Потом ему стало ясно: село заботилось о нем. Чьи-то сильные, умные руки раскрывали перед ним двери складов и папки закупщиков, кто-то еще больше, чем он сам, хотел заложить фундамент его дома в мягкую сельскую почву. Такая забота немного избаловала его, вызвала ощущение собственной исключительности и лишила мучительно-приятных хлопот с гашеной известью и разгрузкой кирпича. Безучастность жены раздражала его. Когда он говорил ей о доме, она рассеянно смотрела на него, и в ее глазах ему не виделось ничего, кроме желания сосредоточиться.

— Ты не рада? — вырывалось у него с невольной досадой.

Только однажды, когда он расстелил на столе лиловый план, жена оживилась, склонила над его плечом красивую длинноволосую голову и спросила, будет ли хотя бы одно окошко выходить на поворот дороги.

Сабине она писала о доме осторожно, нарочно преувеличивая свое безразличие. Она знала, что навсегда отрывается от города, и боялась, как бы приятельница не принялась жалеть ее... Но Сабина отвечала с обычной своей веселостью, поздравляла ее и мужа, признавалась, что влюблена в одного пианиста и остается работать в Пловдиве.

В последнюю ночь перед переездом оба долго лежали без сна. Им было жаль этой комнатушки, с которой приходилось расставаться, они чувствовали, что нужно что-то сказать друг другу. Немного, всего несколько слов, будто они встретились вновь после разлуки, ведь постройка дома и вправду разлучила их, как долгий путь, который мужу пришлось преодолеть одному.

— Я хочу, чтобы ты знала,— он приблизил губы к ее лицу и зашептал,— чтобы ты знала, что все это время я думал о тебе и о дочке.

Жена улыбнулась в темноте, приподнялась на локте и поцеловала его.

На другой день, когда начался переезд, они удивились, откуда набралось столько вещей и столько друзей. Врач угощал добровольных помощников ракией, ходил по двору счастливый и чуть опьяневший, обращался ко всем сразу, не зная, за что приняться. Ему пришла на ум шутка, очень понравившаяся крестьянам:

— Не бог весть как хорошо — большой дом! Вот пустил жену в комнаты, теперь найти не могу!

А в это время малышка играла в спальне, перебирая обрезки паркета, и хотя вокруг ничего не было, кроме нее, комната не выглядела пустой.

Первую ночь они не могли заснуть. Мешал запах свежевыструганных досок, беспокоили световые пятна. Еще прежде чем раздавался гул мотора, на правой стене, если грузовик направлялся к морю, или на левой, если спускался сверху, возникал подрагивающий светлый прямоугольник, и комната словно трогалась с места вслед проезжавшей машине.

— Ничего, навесим ставни,— решил муж.

Но прежде чем ставни были заказаны, оба привыкли к этому ночному освещению. Зимой, случалось, даже считали светлые прямоугольники, и комната представлялась еще более уютной и теплой, когда думали о людях, которые в холод едут куда-то. Только весной, в месяцы цветения деревьев, ночной свет пробуждал в сердце женщины неясное, смутное томление. В такие вечера она невольно думала о Сабине, не сознавая, что, в сущности, тоскует по городу...

— Поедем в августе на море,— обращалась она к засыпавшему мужу. Она познакомилась с морем лет в двадцать, когда уже трудно по-детски восторгаться и изумляться, но в то лето они были влюблены, ходили в одинаковых джинсах, и до конца жизни будут смешиваться в ее сознании воспоминание о море с памятью о счастье.

Но летом прежде всего отправлялись в Пловдив. Ее мать брала отпуск у себя в ателье и несколько дней шила только для дочери. Она заметила, что мать прячет лоскутки самых дорогих отрезов, и была убеждена, что после их отъезда показывает лоскутки соседям, как доказательство того, что дочка хотя и в селе, но живет хорошо. Но с дочерью она была откровенна:

— Так и думаете там оставаться, доченька?

— Мама, я привыкла...

Она не лгала матери. Конечно, она не могла полюбить далекое село, притулившееся на краю варненского шоссе, как любила Пловдив, но ее уже тянуло обратно, туда, где в большом доме у поворота протекала ее жизнь.

А здесь, в городском дворе, под инжирным деревом, отец и муж погружались в бесконечную карточную игру, которую предвкушали весь год, приписывая две-три строки к письмам жен. Она никогда не заставала в Пловдиве Сабину. Сабина брала отпуск в начале августа и уезжала в Варну. Летний зной сжигал опустелые улицы притихшего города, театры были закрыты, шумное городское бытие, о котором жена врача тосковала, снова ускользало от нее, торопясь к морю.

Если находилось время, они вечером поднимались на Сахат-тепе. Здесь, на скамейке, напротив самой вершины, они впервые поцеловались, здесь решили — когда он закончит учебу, пожениться и чтобы она только временно, а не насовсем оставила свой педагогический институт... Почти всегда скамейка бывала занята, и все-таки каждое лето они целовались именно здесь, хотя и заметили, что поцелуи давно утратили прежнюю силу.

— Почему так? — первая спросила она.

Он тотчас же уловил ее мысль:

— Потому что теперь мы можем и дома целоваться.

— Только поэтому?

Они спускались по ступенькам, держась за руки, грустные, словно забрели сюда в поисках потерянного золотого ключика, а кто-то совсем юный опередил их.

После Пловдива на неделю ездили в родное село врача. Его отец еще с осени выбирал самую крупную индейку, откармливал ревностно и нежно, описывал в каждом своем письме, как она прибавляет в весе. Упитанная птица

должна была олицетворять его терпеливое ожидание дорогих гостей.

Домой возвращались усталые, со свертком новых платьев для нее и корзиной яблок — его старик отец никак не мог поверить, что в их саду деревья плодоносят...

Август уже прошел. С моря потянулись машины, нагруженные чемоданами. Однажды в полдень неожиданно приехала Сабина... Перед домом остановился запыленный синий автомобиль. Жена врача подметала веранду и вдруг увидела, как из задней дверцы выскочила светловолосая девушка в брюках, ей подали маленький чемоданчик. В первую минуту она не узнала Сабину, не могла вспомнить ее лицо.

Дом оживился. На полке в ванной появились блестящие ароматные флакончики, в холле запахло сигаретами, радио загремело, и плюшевая дорожка на ступеньках изогнутой лестницы сморщилась под быстрыми шагами. Наконец, когда Сабина уселась напротив нее, скрестив смуглые ноги, жена врача впервые рассмотрела ее лицо.

— Господи, какая ты еще молодая,— тихо обронила она.

— А ты знаменитая.— Сабина засмеялась.— Я спрашивала о тебе в селе, все тебя знают.

Помолчали. Сидели друг против друга, чужие, совсем разные, немного смущенные этой разностью, и удивлялись, как могли так долго переписываться... Но ведь на белых листках они делились друг с другом тем, чего недоставало в жизни каждой из них, и теперь понимали, что бы ни случилось, переписка все равно будет продолжаться.

Отчужденность исчезла вечером, когда спустились в сад собирать персики. Малышка бегала вокруг них или отставала, пытаясь подражать походке Сабины. Врач вернулся затемно. В доме светились все окна, словно кто-то заболел. Он прислонил мопед к лестнице и поднялся наверх. В кухне девочка, пощипывая виноградную гроздь, перелистывала глянцевитые варненские буклеты.

— Тетя Сабина приехала,— сказала она отцу, не отрывая глаз от пестрых картинок.— Красивая!

Ужинали почти в полночь. Пили домашнее вино, врач развеселился, радовался улыбке жены, чувствовал себя молодым и остроумным, ему казалось, что он рассказывает что-то неимоверно забавное. Сабина смеялась, пышные светлые волосы рассыпались по плечам. Подражая согнувшемуся под тяжестью докеру, муж перенес свою постель в холл, потом вернулся, погасил свет и пожелал женщинам приятно поболтать и хотя бы немного поспать... По левой стене спальни тотчас же заскользили светлые прямоугольники.

— И каждую ночь такое? — поинтересовалась Сабина.

— Сейчас многие возвращаются с моря.

— Море...

— Расскажи мне...— попросила жена врача тихо и жадно, как ребенок, который просит рассказать ему сказку.

Сабина неторопливо начала. Женщина слушала, закрыв глаза. В те самые вечера, когда она выдавала книги или стояла на веранде, Сабина танцевала, заплывала в самую глубь остывающего вечернего моря, и чьи-то сильные руки догоняли ее, резко ударяя по воде, ужинала в дорогом ресторане, где играет французский оркестр и официанты полнят бокалы вином и звоном, высоко держа бутылку... В те самые вечера...

Съежившись под одеялом, жена врача чувствовала себя постаревшей. Слушала и не смела даже приоткрыть глаза, чтобы не заблестели слезы, когда мимо пронесется машина и стена снова осветится. Из-за тонкой двери до врача доносился шепот Сабины, он пытался угадать, о чем говорят женщины, и наконец, скрестив на груди тяжелые, пропитанные запахом карболки руки, заснул. Утром жена вышла с покрасневшими глазами, он хотел шутливо упрекнуть ее, но пригляделся, и улыбка застыла на губах: лицо жены было чужим и несчастным.

Сабина осталась еще на пару дней. Врач больше не пил, говорил мало, а по ночам лежал без сна, вслушиваясь с тревогой в шепот, доносившийся из-за двери. Никогда прежде он не думал о необходимости защищать свое счастье, но теперь он чувствовал, что там, в темной комнате, жена страдает и тихий голос Сабины убивает что-то важное и необходимое. Когда гостья уехала, он не сказал о ней ничего плохого, только вывел жену на веранду, обнял ее неподвижные плечи и долго не отпускал.

Первое письмо Сабины он сам вынул из почтового ящика. Жена чистила на кухне айву, он положил конверт на стол:

— Ты ей напишешь?

Она молчала. То, что пробудили в ее душе рассказы Сабины, лишь едва улеглось, притихло, оставалось на сердце не болью, но тихой ровной скорбью. Самым страшным было бы, если бы Сабина приехала снова...

— Ты ей напишешь? — повторил муж.

— Нет,— прошептала она.— Нет.

Он понял, что это правда.

На следующее лето Сабина не приехала. В конце августа, когда с моря, как обычно, потянулись машины, жена врача всякий раз вздрагивала, заслышав звук тормозившей машины. Она ждала испуганно и жадно, и блестящие глаза выдавали эту жадность.

Сабина не приезжала еще много-много лет.

Ездили к морю и они, в аккуратные профсоюзные дома отдыха, где после десяти вечера запрещается шуметь. А в отворенные окна долетала музыка из соседнего ресторана и приглушенный загадочный смех. После такого отдыха жена врача возвращалась подавленная, измученная близостью той неведомой жизни, которую она почувствовала только однажды из рассказа Сабины.

Большой дом у поворота встречал их буйно зеленеющим двором.

— Все же дома лучше,— говорил врач.

Он каждый год быстро загорал, и только на лбу оставалась светлая полоска, там, откуда когда-то начиналась пышная юношеская шевелюра.

Вечером учительница младших классов возвращала ключ от библиотеки, и все шло по-прежнему...

За эти годы жена врача немного похудела, купила швейную машинку, но не хотела, чтобы в селе узнали, что она сама шьет себе платья, и шила тайком. Саженцы во дворе разрослись в раскидистые, покрытые темной корой деревья, лоза разветвилась и тяжело легла на заранее устроенный металлический навес. Подросла и девочка. В еще несоразмерной, вытянувшейся фигурке пока рано было искать обещание красоты, только волосы были красивы, густые и темные, невьющиеся, но готовые закудрявиться, если им помочь влажной ладонью. Девочка уже открыла это. Школа была далеко от дома, они купили дочери велосипед, и в ту же весну она словно вырвалась на волю. Приходили другие девочки, звенели велосипедными звонками перед сетчатой калиткой и исчезали за поворотом, смеясь и сияя голыми коленками.

— Мама, я в село.— И жена врача оставалась одна в белой кухне.

В одно воскресное утро муж взобрался на крышу поправить телевизионную антенну и крикнул сверху, чтобы она бросила ему клещи. На остром черепичном гребне, казалось, стоял совсем другой человек, отяжелевший, неловкий, испуганный высотой.

— Ну, что ты смотришь? Бросай!

Клещи не долетели до его протянутой руки, блеснули в воздухе и забренчали по жестяной водосточной трубе. Потом, в кухне, он снова выглядел прежним, неужели это был всего лишь оптический обман близости?

Муж любил ее. Всегда любил. Гордился ее красотой и даже как-то раз признался со смехом:

— Знаешь, что говорят в селе? Не страшно, мол, отпускать молодух на медосмотр, когда у него дома такая красота.

Каждое утро она провожала его до ворот. Муж заводил свой маленький мопед, навешивал на локоть сумку для покупок и медленно трогался с места. Потом издали еще раз махал ей рукой, но не оглядывался, боясь потерять равновесие. Она не спеша возвращалась в большой дом. Вытирала пыль, готовила на белой плите, а в свободное время любила сидеть в кресле у окна и глядеть за поворот. Иногда ей казалось, что в жизни все неподвижно, кроме этих грузовиков на дороге. Только ключ от библиотеки еще сохранял какое-то значение. Она ни на кого не сердилась, ей некого было упрекать. Разве что тот полуночный шепот Сабины, потонувший в ее днях, как тонет

нож в реке, и лишь изредка острие мутно проблескивает под водой.

— Что с тобой? — спросил муж вечером.— Хочешь, поедем на море, если мне дадут отпуск летом?

Дочь, притихшая над раскрытым учебником, вслушивалась в их разговор, прикусив верхнюю губу, и снова принялась за чтение, лишь услышав тихое и грустное «да».

Но отпуск не смогли дать летом. Случилось совсем другое. В конце августа приехала Сабина. Жена врача поливала левкои и не удивилась, когда пыльный синий автобус остановился у ворот. Она решила, что попросят воды. Но автобус отъехал, по дорожке металлически застучали каблучки, женщина обернулась и встретила раскинутые смуглые руки Сабины. Они обнялись, и одна почувствовала запах моря, а другая — душистое дыхание левкоев. Отступив на несколько шагов, они оглядели друг дружку.

— Ты совсем не изменилась,— солгала жена врача.

— И ты...— неуверенно произнесла Сабина.

Зеленые занавески в спальне оберегали прохладный полумрак. Гостья отказалась от обеда, посидела молча на диване, потом, закрывшись в ванной, долго мылась, плеща водой. Жена врача стелила чистые простыни, трепеща от беспокойства, словно ей предстоял дальний путь. Сабина присела на край постели. В мелких морщинках под глазами чуть поблескивала влага. Женщины легли почти рядом, незнакомые, чужие.

— Расскажи мне...— тихо попросила жена врача.

Сабина лежала с закрытыми глазами и чувствовала, что не в состоянии лгать. Ведь та, другая, познала счастье и, наверное, не поверит ее выдумкам. Нет, Сабина приехала именно ей рассказать всю правду о своем лете, пожаловаться на этих белозубых девчонок, которых все больше становится с каждым августом, и уже бессмысленно и печально продолжать бороться с ними, и невозможно добиться чьей-то любви, которая не кончилась бы вместе с отпуском у моря. Рассказать об этих ужасных сверкающих ресторанах, где даже самый маленький столик рассчитан на двоих и официанты негодуют, когда садишься одна...

— Ну, рассказывай...— Жена врача нетерпеливо приподнялась.

В первый момент она не могла понять, почему сжатые веки Сабины медленно набухают слезами. Жена врача смущенно подалась назад. Еще много вечеров будет она вспоминать эти слезы и через них осознавать смысл своей жизни. Но сейчас она не находила слов, прижавшись затылком к прохладной стене, глядя на чужие вздрагивающие плечи...

Снаружи донесся велосипедный звонок, голос ее дочери весело отвечал другому, мальчишескому голосу.

Перевела с болгарского
Ф. ГРИМБЕРГ

АВТОРИЗОВАННАЯ БИОГРАФИЯ "БИТЛЗ"

Хантер ДЭВИС,
английский писатель

Всех родителей «Битлз» объединяет нежданно свалившееся на них благосостояние. Но реакция на перемены у всех разная. Мими, пожалуй, единственная, кто сохранила прежние привычки. Она, как и раньше, отчитывает Джона за что ни попало, остальные же относятся к своим знаменитым детям чуть ли не с благоговением. Мими говорит, что отдала бы все — и свой шикарный особняк, и их успех, только бы вернуть те годы, когда Джон был ребенком.

Самым счастливым для Джима Маккартни стал день, когда в 1964 году Пол сказал, что ему нет больше надобности зарабатывать на жизнь. В отличие от некоторых других родителей Джима долго уговаривать не пришлось. Пол купил ему отдельный дом. Через год Джим вторично женился после почти десяти лет вдовства.

Окончание. Начало см. в № 8—11 за 1983 год.

Майкл, брат Пола, по-прежнему живет с отцом. У него неоднократно просили автографы, как у брата Пола. Обычно назло всем он подписывался: «Майкл Макгир». Он даже отрицал родственные связи: «Нет, милая, если бы я был его братом, у меня была бы куча денег».

Теперь он известен именно как Майкл Макгир. Он впервые взял этот псевдоним, когда присоединился к группе «Скаффолд» в 1962 году. Майкл — хороший певец. Он может и сочинять, но предпочитает этим не заниматься.

Семья Харрисонов живет теперь недалеко от Уоррингтона. Они уехали из Ливерпуля в 1965 году, когда мистер Харрисон оставил работу. «Я водил огромный автобус — экспресс. Джордж как-то спросил у меня, сколько я зарабатываю. «Десять фунтов два шиллинга»,— ответил я. «В день?» — спросил Джордж. «Нет, в неделю». Тогда он сказал, что будет платить мне в три

раза больше за то, чтобы я ничего не делал. Он сказал, что нанимает меня на ближайшие десять лет».

Дом полон сувениров со всего света. На одной из стен висит табличка с надписью: «Гарольду и Луизе Харрисонам за популяризацию группы «Битлз» во всем мире. Объединенный Клуб любителей «Битлз». Помона, Калифорния, 1965».

Родители других «Битлз» считают, что миссис Харрисон немножко помешалась на поклонниках их детей. Они не могут понять, почему она тратит на них столько времени. Все дело в том, что она поклонница поклонников «Битлз».

Каждую свободную минуту миссис Харрисон использует для ответов поклонникам «Битлз». Она часто засиживается за этим делом далеко за полночь и пишет не менее 200 писем в неделю. Причем это не записки в пару строк, а солидные рассуждения на нескольких страницах. Кроме того, она подписывает и рассылает фотографии.

Мать Ринго и его отчим Гарри Грэйвс живут теперь в самой респектабельной части Ливерпуля. Гарри ушел с работы в 1965 году, когда ему исполнился 51 год. «Я мог бы проработать все оставшиеся 14 лет, фирма вполне приличная. Они даже гордились, что я у них работаю. Обычно со мной шутили: «Ты ведь работаешь не ради денег». Но Ринго так долго убеждал меня бросить работу, что я сдался. Время теперь иногда течет слишком медленно. Думаю, я привыкну к этому. По крайней мере, всегда можно возиться в саду или делать что-нибудь по дому».

Гарри всегда испытывал слабость к стихоплетству. «Как-то дня три шел дождь. Мы сидели дома, и от нечего делать я решил написать несколько песен. Я послал их Ринго, чтобы он сочинил к ним музыку. Какая-нибудь приятная мелодия, и этого было бы вполне достаточно. Но он вернул их мне, сказав, что умеет только играть на одном инструменте и не умеет сочинять музыку. Разве это так трудно?

Столько лет я ограничивал себя, и теперь не думать о деньгах — просто чудо. Но мы по привычке садимся в поезде во второй класс...»

Когда «Битлз» собираются начать какое-нибудь новое дело, они подыскивают для этого своих старых ливерпульских приятелей. Они всех пытаются как-то пристроить. Вот, например, какая история приключилась с Питом Шоттоном, старым дружком Джона. После школы Пит стал полисменом и потерял связь с Джоном. Через три года он бросил эту работу и жил случайными заработками. Как-то в 1965 году Пит без работы и без денег случайно встретил Джона в Ливерпуле. Джон сказал, что поможет Питу в любом его начинании. «Я сказал, что хотел бы работать в супермаркете. И Джон купил магазин в Гемпшире, чтобы сделать меня управляющим!» Ухлопать такую сумму для удовлетворения желаний Пита было, мягко выражаясь, рискованно, тем более что Пит не зарекомендовал себя особо компетентным дельцом. «Если бы не подвернулся Джон, я бы, наверное, плохо кончил». Потом Джон перетащил Пита в Лондон и назначил управляющим магазином модной одежды, продававшим товары с маркой «Эппл», финансовой корпорации «Битлз».

«Битлз» и их музыка

Творчество «Битлз» — это постоянное движение вперед. Иногда они двигались по кругу, но быстро разрывали кольцо и отправлялись дальше. При желании нетрудно разбить творчество «Битлз» на определенные крупные этапы. Однако анализ их песен — дело музыковедов. Для нас же проще всего проследить, как они свои песни создавали.

К тому моменту, когда «Битлз» начали регулярно записываться, Джон и Пол сочиняли вместе уже около шести лет. За это время они написали не одну сотню песен, большинство из которых забыто или утеряно. У Пола сохранилась целая тетрадка таких песен, но толком понять из нее что-либо почти невозможно: нотной грамотой они тогда почти не владели. В те дни Пол и Джон просто вместе играли на гитарах, пока не получалось что-нибудь интересное. «Битлз» писали тогда простенькие песни, чтобы выступать перед визжащими поклонниками и вызывать мгновенную реакцию зала.

Когда они начали записываться, они готовили материалы заранее. И к моменту прибытия в студию все уже было отрепетировано. С тех пор как «Битлз» прекратили концертную деятельность, работа в студии стала для них главной.

«Теперь мы работаем в студии,— говорит Джордж.— У нас нет определенного плана. Мы начинаем с какой-нибудь идеи и прорабатываем ее только в студии. Если Пол придумал песню, он держит ее в голове. Для него объяснить нам, а для нас — понять его нелегко. Даже если нам кажется, что мы поняли, вполне может статься, что мы имеем в виду нечто свое. Этот процесс занимает очень много времени. Никто толком не представляет себе, что получится, пока мелодия не будет записана».

Никто не знает и того, как приходят эти мелодии им в голову. Они не знают или не помнят, как и почему написали большинство песен. Даже при перекрестном опросе невозможно восстановить подлинную картину создания многих вещей. Но это единственный способ узнать, как появляются их песни.

«С помощью моих друзей»

В середине марта 1967 года «Битлз» заканчивали работу над альбомом «Сержант Пеппер». Они хотели сделать песню для Ринго.

В два часа дня Джон приехал к Полу. Джон начал играть на гитаре, а Пол сел за пианино. Пару часов они бренчали все, что приходило на ум. Каждый ждал, пока у другого что-нибудь получится, чтобы выделить это из общего потока звуков и попробовать развить самому. За день до этого они уже сочинили мелодию, мягкую и ритмичную, и придумали название: «С помощью моих друзей». Теперь задача состояла в том, чтобы доработать музыку и сочинить слова.

«Are you afraid when you turn out the light?» («Тебе страшно, когда ты выключаешь свет?») — напел Джон. Пол повторил и согласно кивнул. Джон сказал, что они, во всяком случае, могут использовать какой-нибудь подобный вопрос.

— «Do you believe in love at first sight?» («Веришь ли ты в любовь с первого взгляда?») — попробовал спеть Джон.— Нет,— остановился он.— Не то число слогов. Что, если петь с паузой: «Do you believe — in love at first sight?» А что, если «Do you believe in a love at first sight?» [1] — предложил Пол. Джон пропел фразу, согласился и добавил следующую строчку: «Yes, I'm certain it happens all the time» («Да, я уверен, что так всегда и бывает»).

Они напевали эти две строчки, а вместо остальных вставляли ля-ля-ля. Кроме того, был придумал припев: «I'll get by with a little help from my friends» («Я все преодолею с помощью моих друзей»). Джон изменил второй вопрос на «Would you believe in a love at first sight?» («Поверишь ли ты в любовь с первого взгляда?»), что, как он считал, подходило лучше. Потом они переставили две первые строчки, и получилось: «Would you believe in a love at first sight? Yes, I'm certain it happens all the time». Дальше шло: «Are you afraid when you turn out the light?», но вместо четвертой строчки они по-прежнему пели ля-ля-ля.

Джон и Пол пели три строчки снова и снова, никак не находя четвертой.

— Что рифмуется со словом «time»? — спросил Джон.— Нужна рифма к строчке «Yes, I'm certain it happens all the time».

Джон напел «I know it's mine» («Я знаю это — мое»), но они решили, что это не подходит по смыслу. Кто-то даже сказал, что это абсурд.

Пол что-то бренчал и вдруг заиграл «Can't buy me love». Джон начал очень громко петь, орать и хохотать. Потом Пол стал играть другую песню — «Tequila». Джон продолжал дурачиться.

— Помнишь Гамбург? — сказал Джон.— Мы орали что попало.

Потом они прекратили паясничать так же неожиданно, как и начали, и вернулись к песне. Джон, пытаясь изменить слова, спел «What do you see when you turn out the light?» («Что ты видишь, когда выключаешь свет?») и следующую строчку: «I can't tell you but I know it's mine» («Я не могу ска-

[1] *Смысл практически не меняется.— Примеч. пер.*

зать, но знаю, что это — мое»), и куплет был закончен.

Они записали эти четыре строчки в ученическую тетрадку, которая лежала на пианино. Теперь у них был куплет и припев. Пол встал и начал прохаживаться по комнате. Джон сел за пианино. Пол схватился за гитару и начал играть и петь медленную, очень красивую песню про дурака, сидящего на горке. Джон молча слушал, бессмысленно глядел в окно, как будто ему все равно. Пол пел, вставляя «ля-ля» там, где слова еще не были написаны. Когда он кончил, Джон сказал, что надо записать слова. Пол ответил, что не забудет их и без того. Так он впервые исполнил Джону «The fool on the hill» («Дурак на горке»). Песня в этот раз не обсуждалась.

Время подходило к семи, и было пора отправляться в студию. Они решили позвонить Ринго и сообщить, что песня готова, чего на самом деле не было, и что они будут записывать ее сегодня.

Первым этапом в методе «слоеного пирога», который они теперь использовали при записи, была запись сопровождения. Они обсуждали, каково должно быть звучание в целом и какие инструменты лучше использовать. Обговаривались и другие детали. Устав, они разбредались по разным углам студии и играли каждый сам по себе. Ринго сидел за ударной установкой и играл то, что считал подходящим аккомпанементом. При этом Пол напевал ему слова прямо в ухо. Было очень шумно, и Полу приходилось кричать. После двух часов работы над маленькими кусочками было подобрано сопровождение.

Джордж Мартин и двое техников, ожидавшие этого момента, шли в свою звукоизолированную комнату, а «Битлз» заканчивали приготовления. Запись состоялась. Потом они прослушали аккомпанемент раз сто, но Пол остался недоволен.

Пока Пол объяснялся со звукоинженерами, Джордж вытащил набор красок и начал рисовать. Ринго уставился в пустоту и закурил. Он выглядел очень грустным, впрочем, так было всегда, когда он не разговаривал. Джон устроился за пианино, играя то тихие, то взрывные мелодии.

Наконец Пол остался доволен звучанием первой записи. Он вернулся к остальным и сказал, что теперь они могут добавить кое-какие детали...

Создается впечатление, что «Битлз» записывают свои пластинки в полнейшем хаосе. Но это, конечно, слишком категоричное суждение. Когда-то они записывали сопровождение и вокал сразу на одну дорожку, в лучшем случае на две. Теперь требуется по меньшей мере четыре, поскольку они постоянно стараются использовать новые инструменты и эффекты. Слушая фонограммы первых этапов записи, трудно предвидеть, что получится в конце. Часто первоначальная мелодия тонет среди множества позднейших напластований. Каждую песню они стараются довести до совершенства, работая иногда по десять часов без перерыва. Им довольно трудно добиться такой фонограммы, которая соответствовала бы музыке, звучащей у них в головах. Нечего и говорить о трудностях, которые испытывает Джордж Мартин. Часто у него в руках оказываются различные куски фонограмм, которые невозможно связать друг с другом. Иногда недостаток музыкальной грамотности «Битлз» просто забавляет Джорджа Мартина. «Они могут попросить взять на скрипке такую ноту, какую на ней сыграть невозможно... Знаете, что напоминает мне их метод работы? Однажды я посмотрел фильм про Пикассо. Он начинал с основной идеи, потом добавлял коекакие детали. Идея изменялась с появлением новых и новых подробностей и иногда почти не угадывалась в окончательном варианте».

Свою работу с «Битлз» Джордж Мартин разделяет на два периода. «Сначала я был им необходим. Они ничего не знали и целиком при записи полагались на меня. Теперь наступила вторая стадия. Они знают, что хотят записать, но доверяют мне аранжировки. Раньше я был Головой для четырех мальчишек из Ливерпуля, теперь мне приходится цепляться за остатки своего былого звукорежиссерского могущества».

Он считает, что самым разносторонним музыкальным талантом обладает Пол, который способен сделать песню от начала до конца. «Он может выдавать халтуру высочайшего качества. Но не думаю, что он гордится этим. Он все время стремится к совершенству, стараясь сравняться с Джоном в текстах. Встреча с Джоном пробудила в нем интерес к словам песни. Полу необходима аудитория, а Джону нет. Джон ленивее Пола. Без Пола он вообще забросил бы все дела. Джон пишет для себя. Пол, наоборот, любит быть на виду у публики. И Пол и Джон, несомненно, обладают музыкальным талантом, но каждый весьма специфичным. Полу легко даются легкие приятные мелодии, Джон пишет более резкие и агрессивные песни. Это следствие особенностей их характеров».

Специалисты изучают и анализируют музыку «Битлз». Часто интерпретация песен поражает самих «Битлз». Джон умышленно составил текст песни «Я морж» из бессвязных фраз, чтобы подкинуть работу любителям анализировать песни.

«Наши песни хороши,— говорит Джон,— но ничего исключительного в них нет. Возможно, я так безразличен к нашей музыке потому, что другие воспринимают ее слишком серьезно. Кому-то это, может быть, и нравится, но меня раздражает. Приятно, когда людям нравятся наши песни, но, когда критики начинают выискивать несуществующий глубокий смысл, это противно. И мы вовсю дурачим их. Мы делаем так потому, что уверены: они хотят этого. Мы можем отколоть что угодно, а они будут ломать над этим головы. Я уверен, что так поступают многие артисты. Готов поспорить, что так поступал и Пикассо...

Многие считают, что «Битлз» знают, что будет дальше. А мы не знаем. Мы просто двигаемся».

Джон

«Каждый может иметь свой маленький успех. Мы ничем не лучше остальных. Надо только очень сильно захотеть плюс благоприятные обстоятельства. Талант или образование здесь ни при чем. Вам нравятся примитивные художники и писатели, не так ли? Никто не учил их, что делать и как. Они сами себе сказали, что могут, и сделали.

Что такое талант? Я не знаю. Или он дается от рождения, или проявляется позже. Главный талант — верить в то, что что-то можешь. Я и Пол всегда сочиняли песни. Джордж даже не пробовал, утверждая, что не умеет. Ушло немало времени, прежде чем мы убедили его, что сочинять может любой. Теперь он сочиняет все время и с каждым разом все лучше и лучше.

До пятнадцати лет я ничем не отличался от своих сверстников. Потом я решил попробовать написать песню и написал. То, что у меня обнаружился талант,— это чушь. Я просто делал дело. У меня нет никаких талантов, кроме таланта быть счастливым и ленивым.

Я никогда не чувствовал ответственности и никогда не ощущал себя так называемым «идолом». На нас часто перекладывают чужую ответственность. Единственное, за что я чувствую ответственность, так это за то, чтобы вести себя как можно естественней.

Я не знаменит. Это придумали другие люди. Часто в поезде я прикидывался слабоумным. Мне и сегодня хочется устроить что-нибудь в этом роде. Однажды мы ехали в машине на стадион «Уэмбли». Мы написали на клочке бумаги: «Как доехать до «Уэмбли»?» Мы делали вид, что разговариваем по-иностранному, и показывали эту бумажку и карту. Прохожие выходили из себя, пытаясь объяснить нам дорогу...

Я должен писать эти чертовы песни. Я должен работать, иначе моя жизнь теряет смысл».

Пол

«Как «Битлз»,— говорит Пол,— мы испытали миллион перемен, которые ничего не значат и не изменили нашей сути.

Мы всегда возвращаемся к самим себе, потому что мы никогда не меняемся. Мы можем быть А+Один, где Один означает серые костюмы. Это цикл серых костюмов. Потом А+Два, и это цикл разноцветных брюк. Но мы всегда присутствуем как А. Потом будет финиш: А+Смерть. Извините за все эти премудрости, я увлекся разговором.

Дело в том, что в действительности мы — одна и та же сущность. Мы четыре части одного целого. Мы разные

сами по себе, но вместе образуем Товарищество в одном лице. Если один из нас отправляется на поиски своего пути, остальные или двигаются с ним, или возвращают его назад. Каждый вносит что-то свое.

Ринго большой любитель сентиментальных песен. Он любит и всегда любил музыку соул. Мы не замечали ее долгое время, пока он не открыл ее для нас. Думаю, поэтому мы и пишем для него песни типа «С помощью моих друзей» с сентиментальными текстами.

Джордж относится ко всему очень добросовестно. Если он за что-то берется, то отдает этому все силы. Благодаря ему эта черта передалась и нам. Мы используем из его исканий то, что подходит нам. Мы всегда берем друг у друга то, в чем нуждаемся.

Джон всегда в движении. Он идет вперед чрезвычайно быстро. Один взгляд на то, что происходит,— и снова дальше.

Я консерватор. Мне всегда надо во всем убедиться лично.

Каждое новое поколение старается добиться определенного положения в жизни. Тут нам повезло. К двадцати пяти мы получили все, чего хотели. Я мог бы все забросить, стать директором какой-нибудь компании и прожить так до семидесяти. Но тогда бы я не узнал ничего нового. Нужно все время узнавать о жизни что-нибудь новое...

Мы никогда не приспосабливаемся. Если у нас есть достаточно уверенности в себе, совсем необязательно всю жизнь носить школьную форму. Мы никогда не учились быть архитекторами, художниками или писателями. Мы учились быть. И это все».

Джордж

«Лично я не в восторге от того, что я один из «Битлз». Все это тривиально и неважно. Я сыт всеми этими «мы» и «я» и прочей бессмыслицей, которой мы занимаемся. Я стараюсь найти решение более важных жизненных вопросов».

Те, кто связан с «Битлз» не один год, утверждают, что больше всех изменился Джордж. Самый молодой, он долгое время считался и самым наивным. Рядом с Джоном и Полом его всегда считали мальчишкой. Джон и Пол были взрослее и в физическом смысле, и по таланту. Джордж никогда не расставался с гитарой. Он был еще большим фанатиком, чем Пол или Джон, и играл лучше их. Он редко улыбался на сцене, так он поглощен бывал музыкой. Но долгое время он не пытался заняться чем-нибудь еще, считая себя недостаточно талантливым.

Зато с конца 1966 года Джордж вовсю пробует себя. Он стал первым, сумевшим подняться над битломанией. Все остальные завидовали его новым увлечениям, в то время как сами не могли ничего найти для себя. Во многом он даже стал лидером. Не в таком смысле, как Джон во времена «Кворримен». Просто остальные присоединяются к Джорджу в его увлечениях.

Мнение публики не очень волнует Джорджа. Углубляя свои знания, он становится более спокойным и уверенным... Джон и Пол сочиняли песни с того дня, как встретились. Джордж очень долго обходил это занятие стороной. Когда он начал сочинять, то делал это полностью самостоятельно. Джон и Пол испытали влияние Джорджа, заинтересовавшего их восточными ритмами и инструментами.

Запись песен Джорджа длится даже дольше, чем запись песен Леннона—Маккартни. Хотя ему помогают и Джордж Мартин, и Пол, и Джон, много времени уходит на репетиции с очень странного вида джентльменами, сидящими по-турецки и играющими на необычных инструментах. Трудности возникали и при попытках объяснить музыкантам с Востока, что надо играть, потому что большинство из них не знали западной нотной грамоты.

«Для меня камень преткновения слова. Я не очень поэтичен. Мои стихи довольно простенькие. Сам я отношусь к ним не очень серьезно. У меня не очень большой диапазон голоса, поэтому я пишу простые песни». Действительно, Джордж не обладает большим диапазоном, но его пение нравится многим.

Джордж относится к Джону и Полу как к композиторам и поэтам. Он не видит необходимости беспокоиться, когда рядом есть такие люди, хотя и у него появляются идеи.

«В этой жизни мы еще не сделали ничего».

Ринго

Когда Ринго слышит битловскую песню, он улыбается и кивает головой. Пол и Джон своих песен обычно не замечают, а Джордж вообще не смотрит телевизор.

«Я сам никогда не ставлю наши пластинки, но моя жена иногда включает что-нибудь. Она поклонница «Битлз». Раньше каждый раз, когда нас передавали по радио, мы устраивали с ней маленький сабантуй.

Я не возражаю, когда нас атакуют поклонники. Мы так популярны. Критики могут и обругать нас, а публика наслаждается нашей музыкой».

Как и другие «Битлз», он удивляется, что есть люди, которые пытаются найти скрытый смысл в их песнях. Особенно много таких деятелей в Америке: «Там сотня парней делает то, чем у нас занимается десяток».

Кроме родителей, Ринго помогает родственникам и друзьям: «Деньги давят на меня. Я что-нибудь покупаю, а через неделю эта вещь становится мне совершенно ненужной. Например, съемочное оборудование. Я все время покупаю новое и новое. Если бы мне завтра вручили все мои деньги, я оказался бы в полной растерянности, не зная, что с ними делать».

Он не испытывает желания вносить деньги в какие-либо фонды и не понимает, зачем это нужно делать. «Иногда это делал Брайан от нашего имени. Лично меня это не привлекает. Ну какой смысл, например, в фонде, который выплачивает 5 тысяч фунтов лицу, лишившемуся ребенка? Смешно. Даже пять миллионов не заменят ребенка. Я думаю, распорядители этих фондов просто наживаются на них.

Правительство забирает 90 процентов наших денег. Разве оно тратит их на помощь людям? Правительства все одинаковые, что консерваторы, что лейбористы. Ни одно из них ничего для меня не сделало. Одно говорит одно, другое говорит противоположное, но оба делают одно и то же. Почему бы им не объединиться и не сделать что-нибудь полезное для страны?»

«Битлз» говорят, что Ринго по натуре самый сентиментальный из них, хотя в каждом есть маленький кусочек Ринго. Он сохранил старозаветные представления о том, что мужчина должен быть в доме хозяином. «Так было всегда. У моего деда в доме было кресло, в котором сидел только он. Думаю, что я такой же».

Ринго не хочет, чтобы его дети, как он, не получили образования. Впрочем, он не считает, что это так уж страшно. «Я знаю, что у меня неправильное произношение, но я могу прочитать все, что вы мне предложите. А на английском вообще трудно говорить. Математику я знаю не так уж плохо. Но я гораздо лучше умею работать руками. Я могу смастерить много интересных безделушек».

Когда они записываются, он часто выглядит замкнутым, сидя в уединении за своими барабанами, в то время как остальные толпятся у микрофона. Он всегда говорил, что не обладает особым даром юмориста. Но его шутки так же тонки и метки, как и у остальных. Просто он не тараторит, как Пол, не садится на любимого конька, как Джордж, и не отпускает идиотских шуточек, как Джон. Ринго молчит, пока не приходит время высказаться.

Ринго гораздо более сильная личность, чем может показаться. Его мнение так же весомо, как и остальных «Битлз». Просто рядом с ярким талантом Пола и Джона Ринго держится несколько в тени. Однако они полагаются на него, как на самих себя. Он неотъемлемая часть группы. Ринго вносит то, в чем нуждаются все: некоторую сентиментальность и простоту... У него есть весьма интересные мысли о «Битлз» и о самом себе.

«Мы четверо разных людей, но вместе составляем одно целое. Между нами никогда не было соперничества, ни публичного, ни скрытого. Если бы мы стали рядом перед миллионом поклонников и каждый из них выбрал бы самого любимого, то больше всего голосов получил бы Пол. Джон и Джордж поделили бы второе место, и Ринго был бы последним. Так считаю я. Это видно из писем и поведения поклонников.

Почитатели Джона не очень жалуют Пола, и наоборот. Но ко мне они относятся так же хорошо, как и к своему

любимцу. Так что, если учитывать очки за второе место, то победителем по сумме, пожалуй, оказался бы я.

Они относятся ко мне с отеческой заботой. Я это знаю. Меня считают маленьким. Пожилым женщинам я нравлюсь не меньше, чем девчонкам. Такой уж я. И меняться мне незачем...

Я не творец. Я это знаю. Но люди считают, что я хочу им быть. Они пишут и спрашивают, почему я не пытаюсь. Я попробовал пару лет назад, но то, что получилось, оказалось такой ерундой, что я никому не показал.

Я бы, конечно, хотел уметь писать песни. Когда я понял, что это мне не по силам, я немножко расстроился. У меня есть пианино, но я не умею толком играть на нем, хотя желание появляется довольно часто. Иногда мне хочется написать какую-нибудь красивую песенку, но ничего не получается. Я не знаю, как это сделать.

Иногда я чувствую неудовлетворенность, сидя за барабанами и играя только то, что мне сказали играть. Особенно когда барабанщики из других групп начинают вслух завидовать мне.

Меня очень интересует кино. Может, здесь мне удастся что-нибудь создать. Люди говорят, что я хорошо сыграл в «Ночи после трудного дня», но я не знал точно, что надо было делать. Та небольшая сцена на канале, в которой, как говорят, я отлично сыграл, снималась после бессонной ночи. У меня болела голова, и я абсолютно ничего не соображал. Я еле двигался. Дик все время кричал на меня. Получилось действительно неплохо. Тот эпизод, где я бросаю камешки,— моя затея. Но все остальное — работа Дика.

После у меня было много предложений сниматься в разных фильмах, но я везде должен был быть в главной роли. Я чуть было не согласился играть доктора Ватсона в фильме о Шерлоке Холмсе, но это слишком много для меня. Я не хочу браться за большую роль, потому что очень уж страшно провалиться. Но попробовать что-нибудь попроще я бы не отказался.

Я снялся в «Сладостях», потому что моя роль была не слишком большой и успех фильма определили звезды: Марлон Брандо, Ричард Бартон. Я просто мог у них поучиться.

В сущности, я не умею играть роли. Я не знаю, как это делать. Посмотрите, как играют настоящие актеры. Можно уверенно сказать, что они актеры, потому что их лица все время в движении. Посмотрите на их глаза. Я так не умею».

Ринго говорит, что не возражает, если все это завтра исчезнет. Он уверен, что все будет хорошо и он сможет заработать себе на жизнь тем же, чем занимался до «Битлз».

«Но я, конечно, счастлив, что все остается по-прежнему. Это замечательно, что я стал частью истории. Я хочу, чтобы обо мне написали в школьных учебниках, которые читают маленькие дети».

Заключение

...Их ближайшее будущее довольно туманно. Будут ли они снимать новые фильмы? Будут ли записывать новые пластинки? Не распадутся ли «Битлз» вообще? Джон, Пол и Джордж могут сочинять и записываться самостоятельно, что они уже и пробуют делать. Но смогут ли они по отдельности создавать то, что им удавалось создавать вместе? Возможно, к моменту выхода в свет этого издания на часть этих вопросов будет получен ответ...

Конец

Перевели с английского
Л. ЛОЗНЕР и Б. НАЛИБОЦКИЙ

От редакции: Книга Хантера Дэвиса, журнальный вариант которой мы опубликовали в «Ровеснике», была написана в 1968 году. В семидесятом ответ «на часть вопросов» стал известен: «Битлз» прекратили свое существование как единый коллектив. В 1978 году Хантер Дэвис предпринял новое издание своей «Авторизованной биографии», дописал главу о «Битлз» после распада. А в 1981-м вышло, как говорит сам автор, издание самое последнее: оно было посвящено памяти Джона Леннона.

В следующем году «Ровесник» намерен опубликовать дополнения, сделанные автором после распада «Битлз», и последнее интервью Джона Леннона, данное им американскому журналу «Ньюсуик».

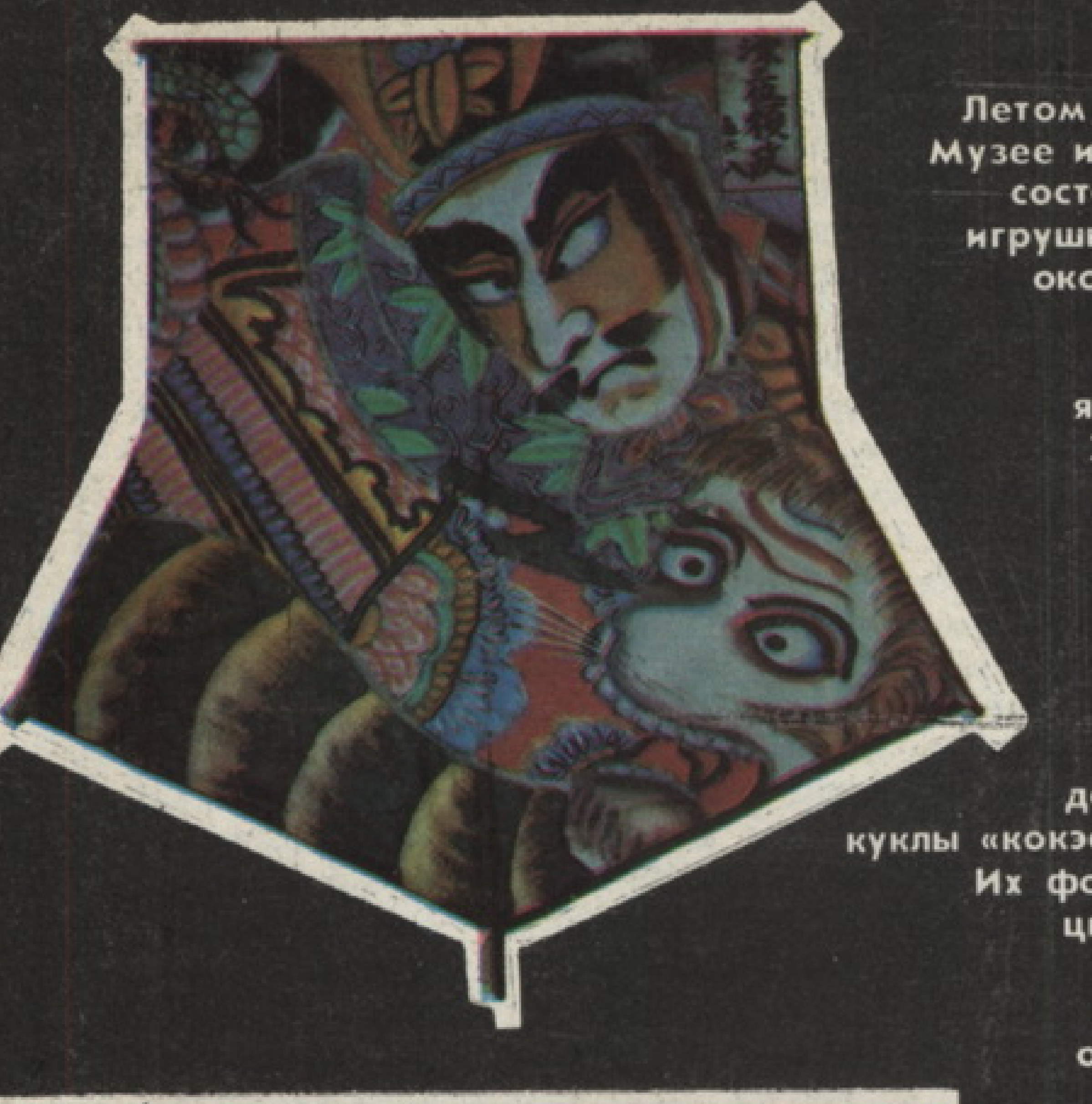
В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (ответственный секретарь), А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 13.10.83. Подп. к печ. 15.11.83. А00250. Формат $84 \times 108^1/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 900 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1703.
Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Летом этого года в московском Музее искусства народов Востока состоялась выставка японской игрушки. Всего в музее собрано около девятисот экспонатов (большая часть их была подарена два года назад японским правительством). Эти игрушки выполнены в разных стилях из глины и папье-маше, бумаги и дерева, рисовой соломки, кукурузных листьев, камней.

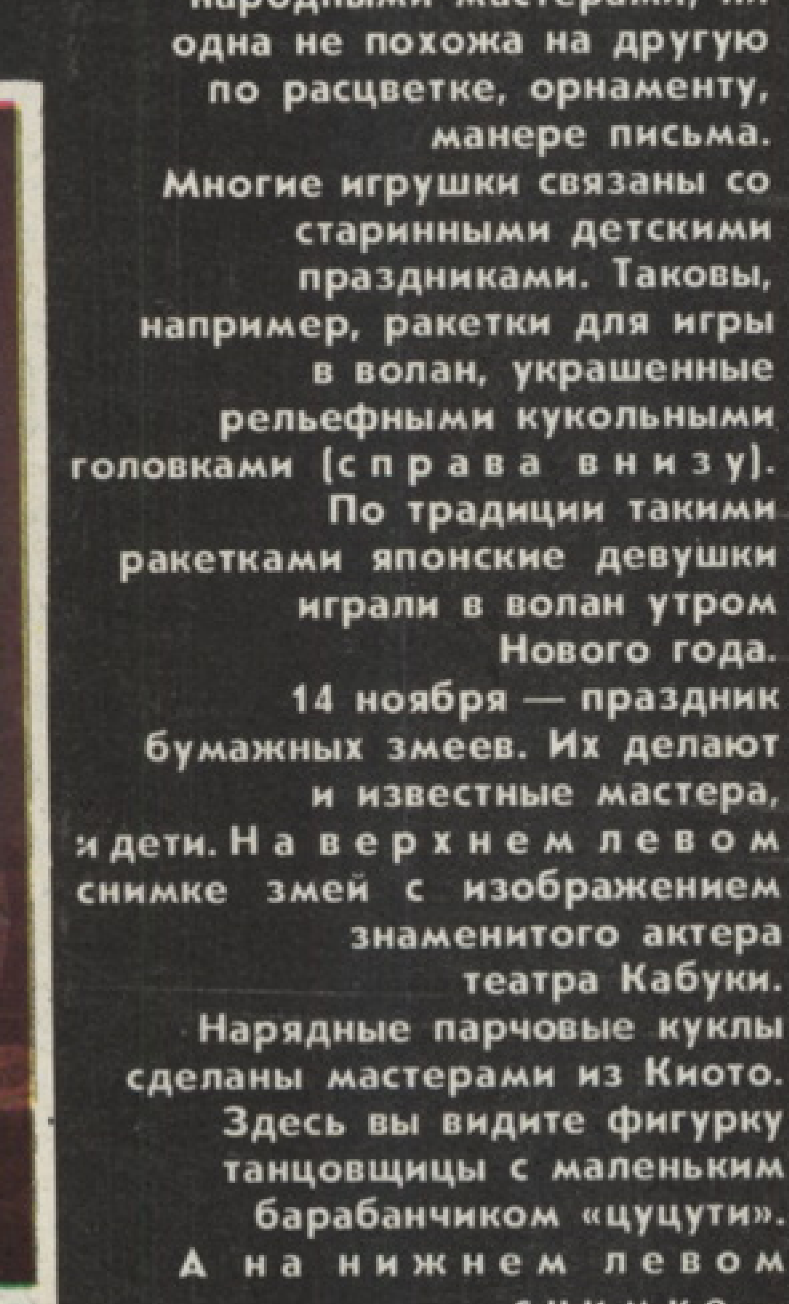
Со времен средневековья дошли до наших дней деревянные куклы «кокэси» (справа вверху). Их форма предельно проста — цилиндр и шар, но из тысяч фигурок, расписанных народными мастерами, ни одна не похожа на другую по расцветке, орнаменту, манере письма.

Многие игрушки связаны со старинными детскими праздниками. Таковы, например, ракетки для игры в волан, украшенные рельефными кукольными головками (справа внизу). По традиции такими ракетками японские девушки играли в волан утром Нового года.

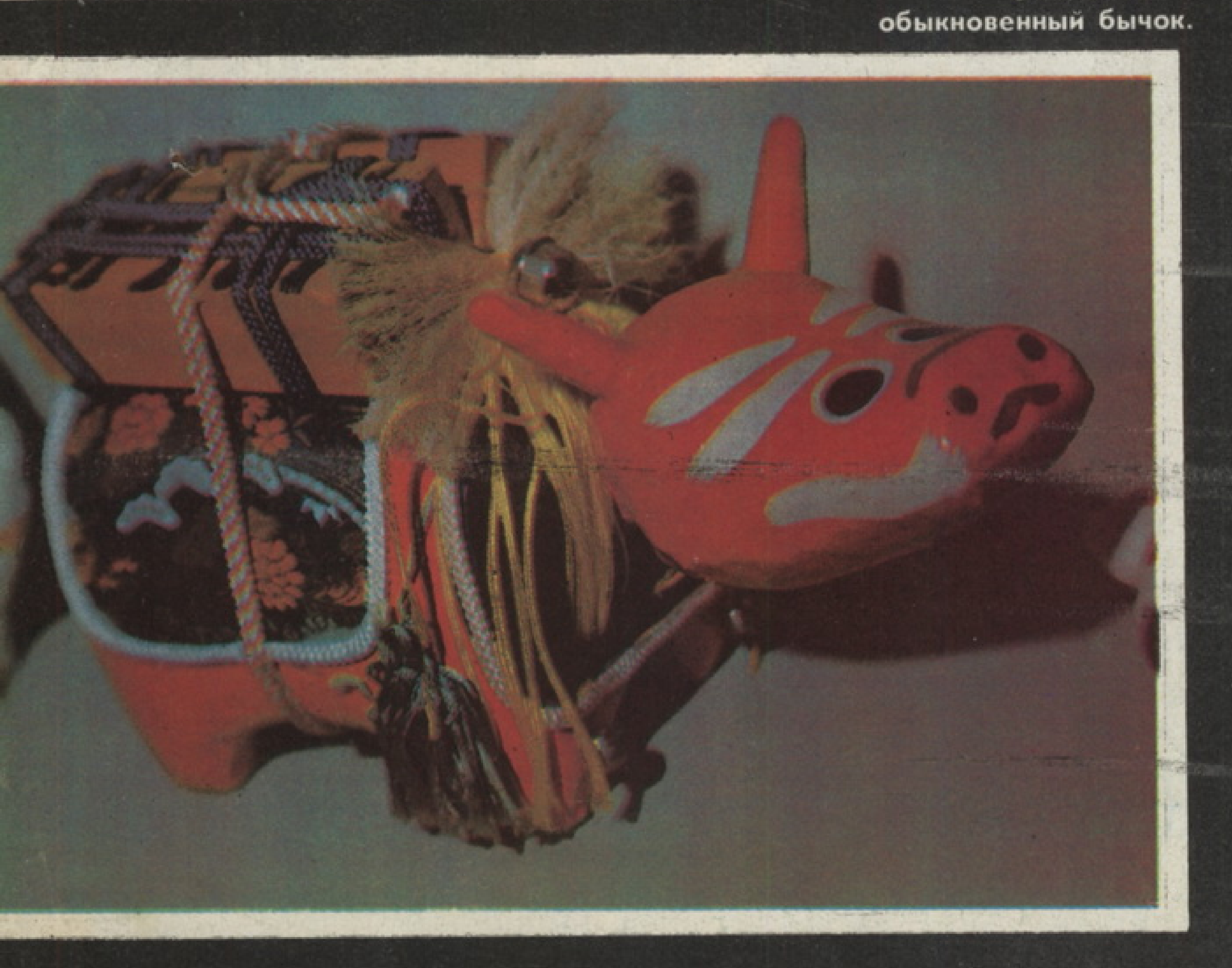
14 ноября — праздник бумажных змеев. Их делают и известные мастера, и дети. На верхнем левом снимке змей с изображением знаменитого актера театра Кабуки.

Нарядные парчовые куклы сделаны мастерами из Киото. Здесь вы видите фигурку танцовщицы с маленьким барабанчиком «цуцути».

А на нижнем левом снимке — обыкновенный бычок.

Индекс 70781
Цена 35 коп.